

НИКОЛАЙ ПЛИСКО

“УДИРАЙ И НЕ ОГЛЯДЫВАЙСЯ!”

История создания и бегства из СССР польской “армии Андерса”

Поляки, по их мнению, никогда не дезертировали, не бежали, не смывались и уж, конечно, не драпали... Они просто “меняли дислокацию”...

Автор

1. Разговор в начале (вместо предисловия)

– Нам перестали подавать руку, даже просто здороваться не хотели... – Юзеф Сигалин, бывший солдат армии Андерса, держал в пальцах зажжённую спичку, так и не донеся её до сигареты. Он даже не замечал, что спичка уже догорела до половины и вот-вот обожжёт ему пальцы.

– А какой был восторг вначале! Формировавшиеся в СССР польские дивизии генерала Андерса активно рекламировались и в советской печати, и по радио. По несколько раз в неделю из чёрных тарелок репродукторов сообщалось о героических польских союзниках, которые вскоре вступят в бой с ненавистным врагом вместе с воинами Красной армии.

О поляках, готовящихся к схватке с гитлеровцами, знал каждый. И все с огромной симпатией смотрели на солдат и офицеров в польской форме, ожидая их широко объявленного участия в совместной борьбе.

Перед микрофоном московского радио выступал генерал Сикорский, красиво говорил генерал Андерс: “Мы, поляки, имеем много недостатков, но у нас есть одна бесценная черта: мы не умеем предавать”. Кто же из нас тогда мог предположить, что польский генерал мог так беспардонно врать?

В посёлках, колхозах, совхозах, городах местные власти и общественность устраивали торжественные проводы уезжавшим в польскую армию призывникам и добровольцам.

А потом – потом в Красноводске встретились два потока. Поток раненых, искалеченных, эвакуированных из-под Сталинграда красноармейцев и стройные колонны прекрасно снаряжённых, отлично одетых батальонов генерала Андерса.

“Хорошо, союзники идут нам на помощь в самый трудный момент”, – говорили на пристани в Красноводске. Но “союзники” направлялись не на бой с гитлеровцами, а в сказочную Персию, в спокойный и мирный Ирак. Это был классический случай дезертирства и предательства союзников, предательства своих прежних обязательств, нарушения заключённых договоров.

Отношение к полякам переменялось. Но только всё презрение и отвращение советских людей к людям в польской военной форме достались тем, кто остался.

— Именно нам, а не кому-либо иному, пришлось глотать горькую правду о поведении поляков, бросаемую прямо нам в лицо советскими людьми, с которыми свела нас судьба в труде и в военной беде, — продолжал Юзеф Сигалин. — Простые люди не знали тогда тайн большой политики...

Стоит ли удивляться, что с тех пор вполне естественной реакцией при всяком упоминании о поляках, о создании новой польской армии в СССР, было: “А не убегут ли они снова в Иран?”

И с таким горьким опытом, с такими настроениями советских людей должны были считаться и советское правительство, и сами оставшиеся в СССР поляки.

2. Переговоры и уговоры

В июне 1941 года вся Англия впервые с сентября 1939 года вздохнула спокойно. Первый раз за два года.

Нападение Германии на Россию резко снизило угрозу военного разгрома Великобритании, появилась обоснованная надежда, что Гитлер увязнет в России, и это будет спасением для Англии.

Когда в 1939 году Гитлер бросил свои войска на Варшаву, Черчилль сделал вывод: вслед за Польшей последует Россия.

Но он ошибся. Вслед за Варшавой пошли Копенгаген, Брюссель, Антверпен, Париж... Сама Англия оказалась под угрозой германского вторжения.

Угроза эта становилась всё реальнее: 10 июня 1940 года в войну на стороне Германии вступила Италия. В апреле 1941 года Германия захватила территории Югославии и Греции. Военные успехи позволили гитлеровской дипломатии раздвинуть границы фашистского блока, присоединить к нему Румынию, Венгрию, Болгарию и Финляндию.

Германия в сороковом году находилась в зените своего могущества. Франция была разгромлена, её не спасли ни укрепления линии Мажино, ни английский экспедиционный корпус.

Это был крайне тяжёлый период для Великобритании. Наверное, никогда за всю свою историю Англия не была так слаба. Её почти четырехсоттысячный экспедиционный корпус, разгромленный под Дюнкерком, бежал из Франции, бросив не только оружие и тяжёлую технику, но даже чемоданы с личными вещами.

Немцы сняли о разгроме англичан великолепный пропагандистский фильм, и германские посольства во всех странах мира демонстрировали его многократно. Черчилль признавался позднее в своих мемуарах, что после разгрома под Дюнкерком английская армия имела в 1940 году только 20 тысяч обученных солдат, 200 пушек и 50 танков...

К лету 1941 года блок фашистских государств в экономическом и военном отношении резко усилился. Большая часть континентальной Европы с её ресурсами и экономикой оказалась под контролем Германии.

На немецких предприятиях и в сельском хозяйстве работали более 3 миллионов иностранных рабочих и военнопленных. Они заменили немцев, надевших военные мундиры. Свыше миллиона новых германских рабочих были из Польши. В оккупированных странах было захвачено всё вооружение их армий, например, только во Франции — около 5 тысяч танков и 3 тысяч самолётов. Автомашинами французского производства в 1941 году были укомплектованы 38 пехотных, 3 моторизованных и 1 танковая дивизии вермахта.

На германских железных дорогах появилось свыше 4 тысяч паровозов и 40 тысяч вагонов из оккупированных стран. Экономические ресурсы большинства государств Европы были поставлены на службу гитлеровскому рейху.

Англия оставалась в полном одиночестве, её армия была не в состоянии дать отпор германской. Великобритании срочно был необходим союзник, способный противостоять железным дивизиям вермахта. Таким союзником мог стать только Советский Союз — никого другого в Европе просто не было.

Хотя совсем недавно английское правительство отвергло предложение СССР о союзе и даже вместе с Финляндией пыталось напасть на него. Можно ли было после этого рассчитывать на то, что отношения с русскими удастся

быстро нормализовать, ведь они были доведены до крайне плохого состояния по вине исключительно английской стороны?..

В начале 1941 года у англичан появились данные, предоставленные польским подпольем, свидетельствующие о возможном нападении Гитлера на Советский Союз. Это породило новые надежды на ослабление германской угрозы Британским островам. Только теперь уже не было (как в начале 1940 года) желания объединиться с Германией в антисоветской борьбе. Английские политики стали опасаться, как бы СССР не пошёл на крупные уступки Германии и тем самым не помешал возникновению войны между ними.

Поэтому Черчилль и предупреждал настойчиво советское правительство, что Германия вскоре нападёт на СССР. Это было сделано лишь с той целью, чтобы Кремль имел возможность подготовиться и не капитулировал в последнюю минуту перед Гитлером. И сам характер предупреждений был таков, что советские лидеры должны были понять: в случае войны Англия не займёт в отношении СССР враждебную позицию. Это был ясный намёк на возможность сотрудничать и первый шаг к будущему союзу.

Предупреждение англичан не было новостью для советского правительства. Аналогичную информацию оно получало и по другим каналам. Но настойчивость Лондона заставляла очень сомневаться относительно мотивов предупреждений.

Советское руководство прекрасно знало, что война между Германией и СССР всегда была желанной для британских правящих кругов, а теперь она – чуть ли не единственное средство спасения для Англии. Только трудно было и в этих условиях поверить в “доброжелательность” Лондона.

И Черчилль тоже это прекрасно понимал. Он писал британскому послу в Москве в эти дни: “Советское правительство прекрасно знает о грозящей ему опасности, а также о том, что мы нуждаемся в его помощи”. Наверное, именно поэтому ещё 10 июня 1941 года – за две недели до нападения Гитлера на СССР – министр иностранных дел Англии А. Иден заявил советскому представителю: “В случае русско-германской войны мы сделаем всё, что в наших силах, чтобы атаковать с воздуха оккупированные немцами территории на Западе”.

А ещё через несколько дней Иден вновь встретился с советским послом и сообщил ему: “Если немцы нападут на СССР, мы готовы прислать миссию в Россию, представляющую три рода вооружённых сил. Мы также срочно рассмотрим экономические нужды России”.

Именно тогда Черчилль на одном из заседаний своего военного кабинета произнёс: “Перемена – ключ к успеху”.

Правда, не он придумал эту красивую фразу. Хорошо начитанный английский политик просто повторил, несколько изменив его, любимое выражение императора французов Наполеона: “Случай – вот единственный законный повелитель во всей Вселенной”.

Случай, удача, шанс, перемена...

И такой счастливой для Британии переменой явилось 22 июня 1941 года. Теперь Англия была не одна, и она сразу поняла, что спасена. Черчилль был вполне здравомыслящим человеком и понимал прекрасно: спасение Англии возможно лишь в союзе с Россией. И дальнейшее развитие событий полностью это подтвердило.

Однако долгожданное Черчиллем нападение Германии на Россию первоначальных расчётов не оправдало. Более того, в 1941 году возникли опасения, что в случае поражения России неминуем и полный разгром Англии. Но вскоре эти опасения рассеялись. Советская Россия оказалась куда сильнее, чем думали в Европе, и мощь её всё нарастала.

То, что Германии никогда не победить Россию, в Лондоне знали всегда. Черчилль так и заявил на заседании парламента. Он выразил самое горячее желание оказать Советскому Союзу всяческую поддержку в его борьбе с фашистской Германией.

Выступая по радио вечером 22 июня, Черчилль особо подчеркнул, что за последние двадцать пять лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем он. Но теперь у англичан одна неизменная цель: они полны решимости уничтожить Гитлера и нацистский режим. Поэтому любое государство, которое борется против нацизма, получит их помощь.

– Такова наша политика, – заключил премьер. – Мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем.

Необходимость сотрудничества с СССР вынудила Черчилля на время приглушить свою ненависть к Советскому Союзу, но не покончить с ней. Премьер не постеснялся заявить тогда, что, если бы нужда заставила его искать союза с самим дьяволом, он пошёл бы на это.

И президент США Рузвельт 24 июня выразил готовность Соединённых Штатов Америки предоставить Советскому Союзу “всю возможную помощь”, хотя американские эксперты считали, что русские продержатся не более трёх месяцев, а посол Великобритании в Москве Криппс давал русским всего месяц, так он и сообщил в Форин-оффис. И это было ещё вполне оптимистично, поскольку английская разведка в своём секретном докладе правительству утверждала, что русские будут разгромлены через две недели.

У самого же Черчилля было иное мнение. И уже 10 июля он пишет военноморскому министру и начальнику военно-морского штаба:

“Представляется совершенно необходимым отправить небольшую смешанную английскую эскадру в Арктику для установления контакта и для совместных действий с русскими военно-морскими силами. Это должно быть сделано до проведения подготавливаемой нами операции. Впечатление, которое произведёт на русский военно-морской флот и вообще на сражающуюся русскую армию прибытие в Арктику этих кораблей, которые будут именоваться английским флотом, может иметь огромное значение. Прибытие кораблей в Арктику позволит нам также сэкономить большое количество крови англичан.

Если бы русские могли продержаться и продолжать военные действия хотя бы до наступления зимы, это дало бы нам неоценимые преимущества. Преждевременный мир, заключённый Россией, явился бы ужасным разочарованием для огромного множества людей в нашей стране. Пока русские продолжают сражаться, не так уж важно, где проходит линия фронта. Эти люди показали, что они заслуживают того, чтобы им оказали поддержку, и мы должны идти на жертвы и на риск, даже если это причинит нам неудобства, — что я вполне сознаю, — ради того, чтобы поддержать их дух...”

Хотя в тексте этого распоряжения и проскальзывает некоторое сомнение в стойкости русских, и даже мысль о том, что они могут пойти на заключение мира с агрессором, весь тон послания вполне оптимистичен и полон уважение к нашей сражающейся стране. Но основная мысль данного послания — “...это позволит нам сэкономить большое количество крови англичан”. Собственные интересы Британской империи для Черчилля — важнее всего.

Позиция Черчилля нашло живое понимание в Москве. И уже 18 июля Сталин в своём послании благодарит Черчилля и предлагает конкретные действия по реализации соглашения между правительствами. Советский лидер полностью согласен с предложением о действиях английского флота на северном фланге советско-германского фронта. Он пишет:

“Ещё легче создать фронт на Севере. Здесь потребуются только действия английских морских и воздушных сил без высадки войскового десанта, без высадки артиллерии. В этой операции примут участие советские сухопутные, морские и авиационные силы. Мы бы приветствовали, если бы Великобритания могла перебросить сюда около одной лёгкой дивизии или больше норвежских добровольцев, которых можно было бы перебросить в Северную Норвегию для повстанческих действий против немцев”.

Одновременно Сталин подчёркивает, что военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на Западе (Северная Франция).

Фронт на севере Франции не только мог бы оттянуть силы Гитлера с Востока, но и сделал бы невозможным вторжение Гитлера в Англию.

И Сталин указывает, что легче всего создать такой фронт именно теперь, когда силы Гитлера отвлечены на Восток и когда Гитлер ещё не успел закрепить за собой занятые на Востоке позиции.

Черчилль ответил незамедлительно, уверяя, что “всё разумное и эффективное, что мы можем сделать для помощи Вам, будет сделано”.

Относительно же операций во Франции английский премьер довольно многословно объяснял, какое это в настоящий момент трудное и опасное дело. Он считал, что в Москве не знают об англо-американских штабных переговорах в начале апреля 1942 года в Лондоне. Тогда английские военные руководители признали вполне возможным открыть второй фронт в текущем

1942 году вместе с США. Так что вся многословная аргументация Черчилля по этому вопросу выглядит обыкновенной ложью.

В первых числах июля 1941 года в Москву прибыли члены английской военной миссии. Предстояло подписание англо-советского соглашения.

Сам акт подписания был намечен на 12 июля, но до этого английский посол Стаффорд Криппс дважды встречался со Сталиным для продолжительных бесед по деталям соглашения – и английская, и советская стороны отнеслись к делу максимально серьёзно. В частности, соглашение предусматривало взаимную помощь и содержало обязательства не заключать сепаратного мира.

Члены английской делегации попытались воспользоваться ситуацией, чтобы предложить ввести английские войска в Баку, осуществив старую мечту Черчилля – захватить бакинскую нефть. Эту идею озвучил лорд Бивербрук, воспользовавшись словами Сталина, отметившего: “Особенно быстро могли бы помочь англичане, у вас есть готовые дивизии, которые, если трудно открыть второй фронт, могли бы участвовать в боях на Украине...”. Английский лорд тут же предложил: “Британские дивизии, сосредоточенные в Иране, могут быть двинуты на Кавказ”.

Сталин прекрасно понял, чья это идея, и ответил Бивербруку довольно строго: “На Кавказе нет войны, война идёт на Украине”.

Бивербруку пришлось согласиться. Сделал он это весьма нехотя, среди общей неловкости...

В конце июля прибыл в Москву специальный представитель президента Ф. Рузвельта Гарри Гопкинс. Со Сталиным у него состоялась продолжительная беседа. Гопкинс заявил вполне определённо: “Да, видимо, нам придётся вступить в войну”. Это заявление американской стороны имело тогда очень большое значение для нашей страны.

Важное место в переговорах Сталина с Гопкинсом занимал вопрос о номенклатуре и количестве грузов, намечавшихся к отправке в Советский Союз, и о проводке караванов судов к нашим берегам.

Вечером 1 августа Гопкинс через Архангельск улетел на Британские острова. При его значительном содействии в сентябре-октябре 1941 года состоялась Московская конференция представителей СССР, Англии и США. На этой конференции были решены важные вопросы объединения усилий трёх великих держав для достижения победы над фашистской Германией и вопросы помощи Советскому Союзу снабжением.

6 сентября 1941 года Черчилль писал Сталину:

“1. Я сразу же отвечаю в духе вашего послания. Хотя мы не остановились бы ни перед какими усилиями, в настоящее время нет никакой возможности осуществить такую британскую миссию на Западе (кроме акции в воздухе), которая позволила бы до зимы отвлечь германские силы с восточного фронта. Нет также никакой возможности создать второй фронт на Балканах без помощи Турции. Я хочу, если Ваше Превосходительство того пожелает, изложить Вам все те основания, которые привели начальников штабов к такому заключению. Эти основания уже были обсуждены сегодня с Вашим послом на особом совещании, в котором приняли участие я и начальники штабов. Акция, ведущая лишь к дорогостоящей неудаче, – как бы похвальны ни были её мотивы, – может быть полезна только Гитлеру. (...)

5. Мы готовы выработать с Вами совместные планы. Будут ли британские армии достаточно сильны для того, чтобы осуществить вторжение на Европейский континент в 1942 году, зависит от событий, которые трудно предвидеть. По всей вероятности, можно будет оказать Вам содействие на Крайнем Севере, когда там наступит полярная ночь. Мы надеемся довести наши армии на Среднем Востоке до трёх четвертей миллиона человек к концу этого года и затем до миллиона к лету 1942 года. Как только германо-итальянские силы будут уничтожены в Ливии, эти войска смогут включиться во фронт на Вашем южном фланге и, как можно надеяться, повлиять на Турцию в смысле соблюдения ею, по крайней мере, честного нейтралитета. Тем временем мы будем бомбардировать Германию с воздуха с возрастающей силой, будем также держать моря открытыми и бороться за свою жизнь”.

Как видим, Черчилль и его военный кабинет ещё не полностью оправились после разгрома под Дюнкерком и страшно боялись вступать снова на Европейский континент. Что же касается Ближнего Востока, то там, считали англичане, у противника меньше войск, там всего лишь итальянцы, и легче

можно получить помощь от Америки. Движение в сторону Востока (“на Ваш южный фланг”) позволяло поближе подойти к нефтяным источникам Баку.

Однако понимая, что приведённых аргументов недостаточно, Черчилль направил специальную инструкцию английскому послу в Москве С. Криппсу. В ней он многословно наставлял посла, на какие аспекты следует обратить особое внимание и что сильнее акцентировать.

В частности, надо было особо указать, что в настоящий момент побережье Франции укреплено до предела и у немцев до сих пор ещё больше дивизий на Западе, чем у Великобритании.

Нет у Англии и достаточного количества судов для перевозки войск на континент, и она может затянуться на многие месяцы. А отвлечение английских флотилий для выполнения подобной операции парализовало бы поддержку армий на Среднем Востоке и полностью прекратило бы судоходство в Атлантическом океане. А это, в свою очередь, могло бы привести к проигрышу битвы за Атлантику, а также к голоду и гибели населения Британских островов.

Когда Сталин заговорит о фронте на Балканах, ему следует напомнить, что даже при имевшемся у англичан тогда на Средиземном море количестве судов потребовалось семь недель для переброски в Грецию двух дивизий и одной бронетанковой бригады. Непременно надо напомнить о потерях, которые понёс английский торговый и военный флот при эвакуации из Греции и с Крита. Сейчас Англия находится в гораздо худших условиях, чем тогда, и английские военно-морские силы уменьшились.

И в конце он ободряет посла:

“Я настоятельно прошу президента Рузвельта прислать сюда Гарримана как можно раньше с тем, чтобы русские знали, на какую помощь они могут рассчитывать в 1942 году для возмещения потерь, понесённых их военной промышленностью, и соответственно могли составить свои планы. Я направляю сегодня ответ на телеграмму Сталина, а настоящее послание предназначается исключительно для вашего собственного руководства”.

В это время Черчилль старался добиться от США решения об отказе от всех планов вторжения в Нормандию через Ла-Манш в 1942 году и в то же время оккупации Французской Северной Африки в течение осени или зимы крупными англо-американскими экспедиционными войсками.

3. Слово за поляками

При таких условиях поляки непременно должны были встать на сторону своих западных союзников. В самом начале июля 1941 года, буквально через несколько дней после нападения Германии на Советский Союз, британский министр иностранных дел А. Иден встретился в Лондоне с премьер-министром польского эмигрантского правительства генералом В. Сикорским.

Встреча была неофициальной, и английский министр в лёгкой и непринужденной форме объяснил поляку, что в связи со сложившейся обстановкой его патологическую русофобию следует на время оставить, и территориальные вопросы, приведшие к обострению польско-советских отношений, надо на время отложить; сейчас на повестке дня нечто более важное: совместная борьба с германским фашизмом.

Безусловно, британское правительство прекрасно понимает стремление польского эмигрантского правительства сохранить за собой власть в стране после победы над Германией и в этом смысле будет впоследствии всячески поддерживать все начинания в данном вопросе. Сейчас же важно создать польскую армию, ведь у правительства эмигрантов нет никакой военной силы... Потому польские попытки вести в настоящий момент самостоятельную политику явно неуместны.

К тому же, мягко подчеркнул английский министр, в настоящее время возможно создать и вооружить польскую армию в СССР, а как её использовать, мы ещё должны хорошо подумать вместе. Во всяком случае, у польского эмигрантского правительства появится реальная вооружённая сила.

Этот аргумент заставил Сикорского задуматься. Ведь он действительно был главнокомандующим без армии.

Были у англичан и иные резоны. Английская разведка продолжала настойчиво утверждать, что Россия продержится недолго. Может быть, ей действительно долгое время не устоять?

И хорошо в таком случае иметь за линией фронта друзей Англии, вооружённых поляков, с которыми всегда можно договориться, учитывая их застарелую нелюбовь к России.

Не забывая о своих интересах, англичане позаботились о том, чтобы в текст планируемого военного соглашения между Польшей и СССР был включён особый пункт о том, что “призывные и добровольцы, служившие в польской авиации и морском флоте, будут отправлены на территорию Великобритании для пополнения соответствующих польских частей, уже там существующих”.

Технику англичанам дали американцы, но специалистов для её обслуживания было недостаточно, значит, и поляки пригодятся. Очень умно и предусмотрительно!

Генерал Сикорский и его заместитель в эмигрантском кабинете министров Миколайчик казались англичанам вполне подходящими для осуществления их планов. И тот, и другой в своё время воевали с Россией, а Сикорский даже формировал польские легионы, которые сражались на стороне Германии в Первую мировую войну. И вообще весь этот польский эмигрантский кабинет сложился из недавних политических деятелей Польши, которых уж никак нельзя упрекнуть в симпатиях к русским.

Сикорский оказался на редкость понятливым. В конце концов, вывезенное из Польши золото на сумму 324 миллиона злотых и вся польская иностранная валюта хранились в подвалах английского банка, а потому проявлять строптивость не следовало.

К тому же немногочисленные польские части, поспешно эвакуированные из Франции после её быстрого поражения, находились в составе английской армии. И уже больше года отдельная польская часть состояла в составе англо-французского экспедиционного корпуса, намеченного к использованию против СССР ещё в ходе советско-финской зимней войны 1940 года. Этот эпизод своей истории в Польше сейчас упорно замалчивают.

К его чести, генерал Сикорский, вопреки своим антисоветским взглядам, умел трезво глядеть на вещи. Он нашёл в себе силы и смелость пойти наперекор многим и восстановил дипломатические отношения с Москвой. Об объявленной Советскому Союзу в 1939 году войне лондонские поляки старались больше не упоминать. Сейчас некоторые польские публицисты и политики, плохо знающие историю собственной страны, с пеной у рта утверждают, что никакого объявления войны СССР не было. Этих господ я отсылаю к первому тому “Documents on Polish-Soviet Relations 1939–1945”. London, 1961. P. 55.

В июле 1941 года в Лондоне начались переговоры между премьер-министром польского эмиграционного правительства В. Сикорским и советским послом в Англии И. Майским, посвящённые установлению союзнических отношений.

Они с самого начала были трудными и сложными. Польская сторона сразу же выдвинула проблему границ, желая возвращения украинских и белорусских земель, причём требовала заключения письменного соглашения по этому вопросу. Но ведь территории Западной Украины и Западной Белоруссии были присоединены к СССР в порядке воссоединения украинского и белорусского народов, и никакие соглашения с Германией, о которых долдонила польская сторона, были здесь ни при чём.

Советская сторона считала, что сейчас самое важное – совместная борьба с германским фашизмом, а для этого следует создать польские вооружённые части в СССР. Что касается проблем советско-польской границы, то её следует отложить на время. Поляки были с этим категорически не согласны, и переговоры оказались на грани срыва.

Пришлось вмешаться Англии. Генералу Сикорскому настоятельно порекомендовали не настаивать в данный момент на каких-либо письменных гарантиях относительно будущего. Черчилль в это время подчёркивал, что, став в борьбе против Гитлера товарищами по оружию, союзные державы, в конце концов, окажутся в состоянии разрешить территориальные вопросы путём дружеского обсуждения за столом конференции. А в разгар битвы всё должно быть посвящено задаче увеличения общих военных усилий.

И, чтобы окончательно успокоить польских эмигрантских политиков, министр иностранных дел Англии А. Иден в ноте от 30 июля польскому правительству в эмиграции изложил британскую точку зрения:

“В связи с подписанием сегодня советско-польского соглашения я хочу воспользоваться случаем, чтобы поставить Вас в известность, что в соответствии с условиями соглашения о взаимопомощи между Соединённым Королевством и Польшей от 25 августа 1939 года правительство Его величества в Соединённом Королевстве не брало на себя никаких обязательств в отношении Союза Советских Социалистических Республик, которые затрагивали бы отношения между СССР и Польшей.

Я хочу также заверить Вас, что правительство Его величества не признаёт никаких территориальных изменений, произведённых в Польше после августа 1939 года”.

Текст этой ноты Иден в тот же день зачитал на заседании в палате общин, добавив при этом: “Обмен нотами, которые я только что огласил для сведения палаты, не влечёт за собой каких-либо гарантий границ со стороны правительства Его величества”. Это значило, что англичане заранее готовили себе путь к отступлению.

Этим дело и кончилось. Теперь полякам предстояло реально вступить в борьбу, создав армию в Советском Союзе.

4. Вопрос о польской армии в СССР

Попытки создания польской армии на территории Советского Союза предпринимались и раньше, до подписания военного соглашения. Ванда Василевская на встрече со Сталиным ещё в ноябре 1940 года поставила вопрос о формировании польских добровольческих частей.

22 июня 1941 года, буквально через несколько часов после нападения Гитлера на СССР, группа офицеров польской армии, интернированных в сентябре 1939 года, во главе с подполковниками З. Берлингом и Л. Букоемским обратилась к советскому правительству с просьбой дать им оружие и предоставить возможность участвовать в борьбе СССР против фашистской Германии. Однако позднее, в ходе предварительных бесед с Берией и Меркуловым офицеры группы Берлинга выдвинули более широкий и перспективный план сотрудничества. Поляки предложили сформировать вполне полноценную боевую единицу, практически штатную дивизию. Это было убедительно и перспективно.

Уже 2 ноября 1940 года Берия подписал докладную записку на имя Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина с предложением создать на территории СССР польскую воинскую часть. Берия даже предлагал для сохранения в тайне формирования польских частей вести её формирование “в одном из совхозов на юго-востоке страны”, вдали от западной границы, куда вряд ли дотягивалась фашистская разведка.

Согласования по этому вопросу шли довольно долго, – видимо, Сталин колебался в принятии окончательного решения. И только 4 июня 1941 года, за две недели до нападения Германии на СССР, СНК СССР согласился на основе решения Политбюро ВКП(б) на создание польского соединения.

Формированием польских частей занимались не только чекисты, но и работники Наркомата обороны СССР. И именно их предложение рассматривало Политбюро. Военные предлагали не создавать новую дивизию, а переукомплектовать уже существующую 238-ю стрелковую дивизию Среднеазиатского военного округа.

Предложение Наркомата обороны было оптимальным во всех смыслах, но реализовать его просто не успели – началась Великая Отечественная война. И вопрос о формировании польской армии встал уже на основе соглашения между Правительством СССР и эмигрантским правительством Польши от 30 июня 1941 года.

Безусловно, высшие руководители НКВД, подписавшие обращение к Сталину, прекрасно понимали, что поляки, даже “профильтрованные” советскими спецслужбами, достаточно негативно относятся к советской власти. Иметь такую часть в составе Красной армии было просто опасно. Нет никакой гарантии, что, получив оружие, они не станут стрелять в спину нашим солдатам. К тому же даже в небольшой инициативной группе Берлинга существовало уже разделение во мнениях. Это было совершенно по-польски: два поляка – три партии. Часть офицеров хотела сразу же идти в бой с немцами, пусть даже в составе советских войск, другие не готовы были действовать без прямого приказа эмигрантского польского правительства в Лондоне.

С началом войны и другие интернированные офицеры, в частности, полковник Джавецкий, настойчиво предлагали начать формирование польских частей. В свою очередь и поляки-коммунисты, находившиеся в Белоруссии, обратились с просьбой разрешить им сформировать польскую добровольческую часть в СССР.

Однако советское правительство, учитывая военно-политическую обстановку, предложило всем польским гражданам, выразившим в июне 1941 года желание создать польские части, вступить в формирующуюся армию, названную впоследствии «армией Андерса».

Договор от 30 июля 1941 года создал основу для установления отношений и дальнейшего сотрудничества. Его развитием явилось военное соглашение, подписанное 14 августа 1941 года в Москве. Затем в декабре 1941 года и июльский договор, и военное соглашение были дополнены. Почему-то в польских эмигрантских кругах в связи с этим принято было считать, что это произошло под личным влиянием Сикорского во время его переговоров в Кремле, завершением которых стала декларация Сикорского—Сталина, подписанная 4 декабря 1941 года. Вероятно, им очень хотелось верить, что они, лондонцы, действительно представляют какую-то политическую силу. Однако в польском Лондоне далеко не все с восхищением встретили договор и поддержали его. Предпринимались даже попытки не просто саботировать его выполнение, а и сорвать.

Но договор продолжал выполняться, работа шла благодаря самоотверженности большинства польского общества и делового отношения советской стороны. Это получило положительную оценку и вызвало доброжелательное отношение к полякам со стороны советских властей.

С советской стороны переговоры, начавшиеся в Москве 1 августа 1941 года, вёл уполномоченный Генерального штаба Красной армии генерал-майор А. М. Василевский, с польской стороны — начальник польской военной миссии генерал-майор (генерал бригады) С. Шишко-Богуш. Переговоры завершились 14 августа подписанием военного соглашения между Верховным Главнокомандованием СССР и Верховным Командованием Польши.

Главной целью соглашения являлось создание в кратчайший срок на территории СССР польской армии, предназначенной «для совместной с войсками СССР и иных союзных держав борьбы против Германии». Соглашение строго оговаривало национальный суверенитет формируемых частей: они должны были составить часть вооружённых сил суверенной Польской республики, при этом военнослужащие присягали на верность Польской республике.

После окончания войны армия должна была вернуться в Польшу. Организация, обмундирование, знаки различия для личного состава армии устанавливались такие же, как и у польских частей в Англии.

На время совместных действий польская армия в оперативном отношении должна была подчиняться Верховному Главнокомандованию СССР, в делах личного состава и организации — польскому командованию.

Обеспечение, довольствие и санитарное обслуживание личного состава армии предусматривалось по нормам Красной армии. Предполагалось также, что призывники и добровольцы, служившие ранее в польской авиации и морском флоте, будут направлены в Великобританию для пополнения находившихся там польских частей.

В соглашении имелся пункт 11, который гласил: «Вооружение, снаряжение, обмундирование, автомашины и пр. для польской армии будут доставлены в меру возможности:

- а) Правительством СССР из собственных запасов;
- б) Правительством Польской республики из доставок, признаваемых на основе Билла (закона о помощи демократическим воюющим странам, принятым правительством США)».

Это было очень важным элементом двустороннего соглашения. Польша включалась, таким образом, в страны, получавшие американскую помощь по ленд-лизу. Не стоит только думать, что в этом вопросе правительство США вдруг обуял несказанный альтруизм, всё было гораздо проще. Пропагандистские фразы о бескорыстной помощи маскировали чёткую экономическую составляющую этого плана. Он был весьма выгоден монополиям США. После того как Британская империя передала США все свои золотовалютные запасы, США начали вести поставки военного имущества, вооружения и продовольствия по ленд-лизу, а дословный перевод термина «ленд-лиз» означает —

“взаимы или в аренду” (англ. Lend-lease, от lend – давать взаимы и leas – сдавать в аренду), а смысл его заключается в том, что речь идёт не о благотворительности, а о расчёте.

Ленд-лиз не был бесплатным, но и платным он не был в полном объёме. Лишь материалы, уничтоженные, утраченные или потреблённые во время войны, не подлежали после её окончания оплате. Оставшееся после войны имущество, пригодное для гражданского использования, должно было быть оплачено полностью или частично на основе долгосрочных американских кредитов, а военные материалы могли быть даже затребованы обратно. Американскую помощь по закону о ленд-лизе получили 42 страны (при этом самые значительные поставки шли в Великобританию).

19 июня 1941 года правительство США включило Польшу в число стран, которые имеют право получать помощь по ленд-лизу.

О готовности предоставить такую помощь Советскому Союзу Рузвельт заявил 24 июня 1941 года. Официальные переговоры по ленд-лизу между СССР и США начались 29 сентября. Для их проведения Рузвельт направил в Москву своего представителя Аверелла Гарримана. И 1 октября 1941 года Гарриман подписал первый протокол о поставках Советскому Союзу. Поставки в СССР оценивались, согласно советским источникам, в 9,8 миллиарда, согласно западным – в 11,3 млрд долларов.

Всего воюющие страны (включая СССР) получили от США военных материалов на сумму в 46 млрд долларов, но тогда же американцы получили обратно товаров от Великобритании на 30,3 млрд; от СССР – на 9,8 млрд; от Франции – на 1,4; от других стран – на 1,5; всего на сумму более 43 млрд, то есть практически эта “бескорыстная помощь” велась за наличные.

Все траты на войну промышленникам США или в ходе войны, или после её окончания Европа должна была вернуть, обесценивая этим свою валюту и укрепляя доллар. Почему бы при таких условиях и не поиграть в “бескорыстного” мецената?

Был в советско-польском соглашении и пункт 12, касавшийся финансовой стороны вопроса: “Расходы, связанные с формированием, снабжением и содержанием польской армии на территории СССР, будут кредитованы правительством СССР и подлежат возвращению польским правительством по окончании войны”. **Огромный кредит в несколько сот миллионов рублей, предоставленный на создание армии, который Польша обязалась вернуть после войны, она так и не вернула по сей день.**

5. Командующий и его армия

После подписания договора Сикорский стал подыскивать кандидатуру на пост командующего польскими войсками в СССР. Первоначально на эту должность намечался генерал Галлер, в своё время фигура весьма популярная в Польше, но его никак не могли обнаружить – так хорошо он спрятался и от немцев, и от русских. Тогда Сикорский вспомнил об Андерсе, который неоднократно письменно заверял его в своей лояльности и горячо стремился с ним сотрудничать. Впрочем, в частных беседах со своим старым приятелем, будущим послом Котом, Сикорский высказывал некоторые сомнения в том, захочет ли Андерс и в дальнейшем быть лояльным, да и прошлое его небезупречно, и, кроме того, он был не уверен в его политических взглядах. Но больше под рукой никого не было.

В середине шестидесятых годов прошлого века в Лондоне вышла книга некоего Р. Святека, в которой даётся довольно интересная оценка некоторых лиц того периода, в том числе и Андерса. Вот цитата из этой книги:

“Здесь я должен добавить, что назначение генерала Андерса главнокомандующим польской армией в России было одной из крупнейших ошибок и продемонстрировало неспособность генерала Сикорского найти на эту должность достойного человека. Будь вместо Андерса главнокомандующим генерал Боруа-Спехович, я уверен, что он не побоялся бы сражаться на Восточном фронте. Его бы не раздражал русский ржаной хлеб и сон на соломенном матраце. Он бы знал, как взглянуть в будущее, и был бы во главе польской армии, входящей в освобождённую Варшаву. Любым своим шагом Андерс проявлял огромное нежелание, граничащее со страхом, как только поднимался вопрос об участии польской армии в боевых действиях на Восточном

фронте. С самого начала он маневрировал с целью вывести польскую армию из России на Средний Восток”.

И уже позднее польский посол в СССР профессор Кот очень верно отметил, что Андерсу присущи были лишь необузданная амбиция и жажда власти, что у него ограниченный ум и полное отсутствие политической подготовки. И ещё: Андерсом вертели англичане, он был лишь слепым орудием в их руках.

Естественно, предварительно состоялись зондажные переговоры польского руководства с советской стороной.

В Москве на Лубянке с Андерсом беседовал заместитель начальника польского отдела советской контрразведки, затем один из основных кураторов формирования польской армии В. Кондратик, который и рекомендовал польского генерала на пост командарма. Ещё перед освобождением Андерс, по его словам, имел продолжительную беседу с Берией и Меркуловым. И якобы Берия заявил ему о некотором закрытом опросе пленных поляков, и вроде бы 90 процентов из них остановились на Андерсе как самой “популярной” (?) фигуре. Но ведь это утверждал лишь сам Андерс и только в своих послевоенных мемуарах, никто иной этого ни устно, ни в воспоминаниях не подтверждал.

Судя по мемуарам Андерса, опубликованным в Лондоне в 1949 году, из части, касающейся следствия по его делу и последующего отношения к нему чекистов, можно предположить, что он давно, ещё до войны, находился в поле зрения советских спецслужб, а возможно, и являлся негласным источником военной информации. Возможно, что правда именно в этом, и Андерс попросту проговорился в своих воспоминаниях. В таком случае вполне понятными становятся и согласие советской стороны на его назначение командармом, и факт беседы с первыми лицами НКВД, и выделение для поддержания контактов с чекистским ведомством не рядовых работников, а начальника и заместителя начальника польского отдела, а также неоднократные встречи с начальником 2-го Управления НКВД (контрразведка) генералом П. Фёдоровым.

Польского генерала освободили из тюрьмы 4 августа 1941 года, и в тот же день состоялось его назначение. Кстати, в тюрьме он оказался вполне на “законных” основаниях. Хотя этот вопрос он тщательно обходит в своих мемуарах, но стало почти сразу же известно, что арестован Андерс был как комендант округа “Краков” (псевдоним “Валигура”) Союза вооружённой борьбы. Правда, в должность он не вступил, но его соратники всё же быстренько выдали НКВД пана коменданта.

То, что Андерс не успел приступить к работе в этой должности, ему очень помогло последствие. Дело, после тщательного разбирательства, прекратили 13 марта 1941 года.

После назначения командующим, для поднятия авторитета Сикорский присвоил Андерсу чин дивизионного генерала (генерал-лейтенанта). Советские власти выделили Андерсу роскошную квартиру, лимузин из правительственного гаража и прикрепили к Андерсу персонального повара – Ивана Васильевича, опытного кулинара, но русского. . .

12 августа 1941 года по радио передали, что во исполнение польско-советского договора Президиум Верховного Совета объявил амнистию для всех польских граждан, находящихся на территории Советского Союза.

Но уже со 2 августа поляков начали выпускать из тюрем в Москве. Освобождали целыми партиями. В Москве был сразу же создан временный сборный пункт, где многие могли задержаться на более длительный срок.

Распахнулись и камеры Лубянки, её ворота открылись. Польские военные, ещё вчера хлебавшие рыбную щербу из жестяных мисок, были помыты, побриты и переселены в комфортабельные номера московских гостиниц. Кто-то попал в роскошный “Метрополь”, кто-то – в правительственную гостиницу “Москва”. У некоторых даже оказались старые связи в советской столице. Генерал Борута-Спехович поселился на квартире у своих знакомых. Лубянку покинул и ряд гражданских лиц.

Для польского посольства предоставили помещение бывшего германского представительства (Леонтьевский пер., д. 10). Именно здесь столкнулись те, кто почти два года провёл бок о бок, но в разных камерах, даже не подозревая о существовании друг друга.

Внезапно встретились два брата маршала Пилсудского – Ян и Казимир, – князь Евстахий Сапега, подписавший в своё время Рижский мирный договор, покончивший с советско-польской войной 1920 года, польские

ксёндзы, писатели-демократы – бывшие узники польского концлагеря в Берёзе-Картушской, дипломаты и политики. Они не любили вспоминать месяцы, проведённые в тюремных камерах, но рассказ одного из них – графа Тышкевича – все слушали с интересом и даже с улыбкой.

Графа Тышкевича допрашивали очень тщательно. Каждое слово, которое он произносил, было тщательно анализировано в поисках каких-то важных, но скрытых значений.

“Где ваша жена?” – спрашивал следователь.

“В Италии”, – отвечал Тышкевич.

“Что она там делает?”

“Живёт у родственников”.

“Каких родственников?”

“У её дяди и тётки”.

“Что они там делают? Чем зарабатывают на жизнь?”

Бедняга Тышкевич беспокойно заёрзал на стуле, и это его волнение вдохновило следователя, что он на правильном пути. Он стал настаивать, чтобы заключенный давал точные ответы.

“Ну, видите ли, у них есть немного собственных денег... Ну, и правительство немного помогает”.

“Значит, они чиновники? Да? Может быть, тоже графы?!”

“Ну, не совсем...”

“Так кто же?”

“Это король и королева Италии”...

Выражение лица следователя изменилось. Теперь оно выражало лишь удивление и уважение...

Много там было самых разных людей, и всех их объединяло одно – огромное желание бороться с немцами. У них не было ничего иного, кроме этого. Только это, ничего больше.

Во второй половине августа освободились с Лубянки генералы М. Токажевский-Карашевич, Ярнушкевич, Пшездецкий и многие другие офицеры. Все освобождённые получали денежное пособие. Генералы – по 5000 рублей, старшие офицеры – по 3000, младшие – 2000. Это являлось единовременным безвозвратным пособием. И это были только “подъёмные”, поскольку всем польским офицерам было назначено и денежное жалованье по советским меркам.

Много это было или мало? В те время оклады советских военнослужащих были соответственно: министр обороны – 3500 рублей; генерал, командир дивизии – 2200 рублей; командир полка – 1800; командир батальона – 850. А цены тогда были такие: хлеб – 90 копеек; мясо – 7 рублей, сахар – 4.50; водка – 6 руб. Мужской хороший костюм – 75 рублей. Средняя зарплата по стране составляла тогда 339 рублей в месяц, а прожиточный минимум – 5 рублей в день.

Весь август шла подготовительная организационная работа, связанная с текущими нуждами армии, созданием штабного аппарата, освобождение людей из лагерей и тюрем.

Но не административные хлопоты занимали Андерса в тот момент больше всего. Внезапно рядом с ним появились те, о ком он уже почти забыл, – его бывшие коллеги по армии, и эти люди настойчиво предъявляли свои права на руководящие посты. Это пугало Андерса и заставило его не только серьёзно задуматься, но и максимально насторожиться. Его конкурентами, несмотря на уже состоявшееся назначение, были заслуженные генералы, в военном отношении гораздо более компетентные и авторитетные.

Начались интриги по поводу должностей. Это стало какой-то эпидемией. Благородные порывы у высших польских чинов прошли мгновенно, и началось взаимное “уничтожение”: клеветы, склоки, доносы, подсиживания. Всё меньше говорилось о конкретных делах, всё больше – о должностях, чинах и почестях, постоянно вспоминались довоенные заслуги.

Андерс родился в семье небогатого польского помещика немецкого происхождения в Привислянском крае (так тогда называлась “Русская Польша”), в маленьком местечке Блоне около Кутна, таком маленьком, что – как шутили местные жители – его и в телескоп на карте не увидишь. Местечко это было сравнительно неподалеку от Варшавы, впрочем – в Польше всё рядом...

Учиться юный Андерс был ленив. Поэтому его определили не в классическую гимназию, где надо было изучать среди прочего и три иностранных языка, а в реальное училище, программа которого была много проще, и учиться там было значительно легче.

После окончания училища и неудачной попытки поступить в престижную варшавскую “Политехнику” Андерс с помощью прибалтийских родственников устроился в Рижский политехнический институт. Учёба там у него шла не очень успешно, и в 1913 году он счёл за лучшее пойти на службу в русскую армию, поступив в кавалерийскую школу офицеров запаса.

Во время Первой мировой войны он дослужился до командира эскадрона, а в 1917 году, когда сильно поредел корпус офицеров Российского Генерального штаба и срочно понадобились свежие силы, Андерсу удалось окончить краткосрочные курсы при Николаевской академии. Какое-то время он прослужил в разведывательном отделе одного из штабов, но там не прижился. Сослуживцы недолго любили его, как они выражались, “за лизучесть”.

После революции Андерс уехал в Польшу и, вспомнив о своих немецких корнях, вступил в находившуюся там оккупационную германскую армию (в её составе был переметнувшийся к немцам корпус генерала Довбор-Мусницкого); затем, после капитуляции немцев, перешёл в польскую и даже успел участвовать в советско-польской войне 1919–1920 годов.

Генеральское звание Андерс получил в самом преддверии войны, видимо, постарались друзья, поскольку никакими военными талантами этот человек не обладал, все, знавшие его, самым положительным его качеством считали лишь редкую вежливость и предупредительность.

Этим он резко отличался от большинства старших польских офицеров. Такому манеру поведения он считал для себя наиболее удобной – ведь ни состояния, ни влиятельных родственников у него не было.

До войны излюбленным занятием Андерса было участие в офицерских конноспортивных состязаниях “Милитари”. Этим способом он пытался втереться в круги польской аристократии, где конный спорт всячески поощрялся. А такой спорт требовал крупных денег и был связан с большим финансовым риском. Увлечение вскоре переросло в привычку и сформировало алчность, ставшую, в конце концов, обычным азартом.

Для того чтобы пополнить свои доходы, Андерс обзавёлся собственной скаковой конюшней. Только из-за недостатка средств приходилось постоянно извращиваться, и Андерс содержал свою конюшню на казённом фураже.

Первый крупный скандал по этому поводу разразился в Бялокрынице, где полковник Андерс командовал бригадой, а своих скаковых лошадей содержал в конюшнях 12-го уланского полка. Командир этого полка, подполковник Рупп, подал командованию Люблинского военного округа рапорт, в котором обвинял полковника Андерса в злоупотреблениях и требовал возместить стоимость фуража, израсходованного на его лошадей. Дело было настолько ясным и проступок столь вопиющим и не совместимым с офицерской честью, что его следовало сразу же передавать в военный суд. Однако за Андерса вступился приятель, начальник интендантской службы генерал Даниэль-Конаржевский.

Кумовство в высшей польской военной среде процветало, и от суда Андерсу удалось отвертеться. Командование бригады перевели в другой городок, а честного подполковника, осмелившегося изболочить вора-командира в злоупотреблениях, отправили в отставку.

Но и в Бродах, куда переместился штаб бригады, Андерс не успокоился. Он продал принадлежавший бригаде экипаж, а деньги просто положил в карман. Затем, получив в тот же период генеральское звание, Андерс этот экипаж каким-то образом вернул в бригаду и использовал как личный выезд. Случай был скандальный, и дело попало в Львовский военный суд. Командующий военным округом генерал Токажевский был настроен решительно, и Андерса перевели в Барановичи, но на аналогичную должность. У воришки снова нашлись покровители.

И опять Андерс не успокоился. Открылись его жульнические махинации на бегах. На этот раз отвертеться ему не удалось. Спасла, как ни странно, война. Дело приостановили, и запачканный генерал остался при своих погонах.

Как потом говорили, именно это обстоятельство заставило Сикорского назначить Андерса командующим польскими войсками в СССР. Видимо, он посчитал, что скомпрометированный генерал будет ему полностью послушен.

Ошибся Сикорский: вор и мошенник всегда останется вором и мошенником, психология его не меняется, и надеяться на него никак нельзя.

В Москве Андерс снова встретился с Токажевским. Тот ничего не забыл, и при каждом удобном случае напоминал окружающим о сене, коляске, лошадях, овсе и деньгах. Конфликт с Токажевским серьёзно насторожил Андерса. Он понял, что всё будет развиваться и дальше, и неизвестно, к чему может привести – недоброжелателей у него было много. Токажевского быстро назначили командиром шестой польской дивизии. Маловато для такого заслуженного человека, но всё же – должность. И всегда на глазах. Бывшие противники заключили мир, выпили на брудершафт, поклялись в вечной дружбе и остались смертельными врагами.

С другим своим недоброжелателем, генералом Ярнушкевичем Андерс расправился, воспользовавшись тем, что Ярнушкевич занял крупную сумму денег для покупки драгоценностей. Сикорскому была послана радиogramма о том, что генерал Ярнушкевич использует казенные деньги для покупки драгоценных камней. Из Лондона нельзя было видеть подоплёки всего дела, и Сикорский решил по-военному: “Дело Ярнушкевича направить в суд чести для генералов. Пока назначения не давать”. Ещё один опасный для Андерса конкурент был устранён.

Оставался генерал дивизии Янушайтис. Это был серьёзный соперник. К тому же, к Андерсу он относился внешне весьма доброжелательно. Он был старше Андерса и по возрасту, и по чину, и по занимаемым до войны должностям, превосходил его политическим кругозором, профессиональным и жизненным опытом. Это был весьма серьёзный и хорошо воспитанный, тактичный человек. Всегда уравновешенный и приветливый, он совершенно не походил на натянутых, кичливых и вздорных польских генералов. Он обладал и большими организационными способностями, о чём свидетельствовала его деятельность во Львове в сентябре 1939 года. Эта подпольная деятельность снискала ему большое уважение со стороны офицеров. Ни сплетнями, ни интригами он не занимался. Это был солдат.

Кроме всего прочего, он был единственным из польских генералов, доказавшим на деле, а не громкими словами отрицательное отношение к существовавшему в Польше до сентября 1939 года режиму. Для Андерса он был действительно опасен, и тот приложил все усилия, чтобы не оставлять рядом с собой этого талантливого, приличного и честного человека, так как слишком очевиден для всех был контраст. После определённых усилий Андерсу удалось отправить Янушайтиса в Лондон.

Об участии Андерса в сентябрьской кампании тоже известно достаточно. Ничем выдающимся он там не проявил себя, только и сам генерал, и его приближённые тщательно скрывали один очень некрасивый эпизод из его боевой деятельности.

Кавалерийская группа Андерса, состоявшая из остатков нескольких разбитых немцами кавалерийских бригад, под Мораньяцами попыталась вырваться из кольца окруживших её частей 28-й пехотной дивизии немцев.

Однако атака поляков сразу же захлебнулась под огнём немецких пулемётов. В течение нескольких минут погибли свыше 80 уланов – целый эскадрон, – и среди них много офицеров. Поляки откатились на исходные позиции, и вдруг раздался сигнал трубы с немецкой стороны. К польским позициям от Моранец двигалась небольшая группа немцев с белым флагом.

Немецкие парламентёры предложили полякам сложить оружие, поскольку положение их безнадежно, а пролития крови можно избежать. Генерал Андерс согласился прекратить сопротивление, если его группе будет гарантирован свободный проход до венгерской границы.

Немцы согласились (район границы был уже надёжно перекрыт ими), и вскоре польский генерал получил справку, подписанную командиром 28-й пехотной дивизии генерал-лейтенантом фон Обстфеллером. Там говорилось, что “28-я пехотная дивизия обеспечивает польской кавалерии свободный проход на юг...” И подпись немецкого генерала.

Хотел бы я видеть советского генерала, получившего от фашистов подобную справку!

Облегчённо вздохнув, генерал Андерс отдал своим подчинённым приказ, похожий на старое “спасайся, кто может”: разбиться на мелкие группы и на свой страх и риск пробираться в Венгрию.

В конце сентября, раненный случайными пулями в стычке с вооружёнными украинцами, он спрятался в ближайшей деревне и через ротмистра Кучинского дал о себе знать советским военным властям. Через несколько часов его, уже переодетого в штатское, перевезли в Самбор, где его принял командующий одной из армий генерал Тюленев. Затем польского генерала по его просьбе отправили на лечение во Львов. Его поместили в госпиталь с польским персоналом на улице Курковой. Там к Андерсу относились очень хорошо, врачебная забота была исключительно: как-никак генерал-герой, раненный в боях за свободу Польши!.. Никаким ограничениям его не подвергали, весь день его могли навещать гости, этим широко пользовались все посетители госпиталя. Приходила и жена со старшим сыном. У неё тоже всё было в порядке — с жильём она устроилась, в деньгах не нуждалась.

6. Андерс находит покровителей

Шок, полученный Андерсом в первых же боях с немецкой армией, хорошо вооружённой, дисциплинированной и умевшей воевать, убедил его в том, что с немцами бороться бесполезно. Они всегда останутся победителями. Своё слово сказала тут и немецкая кровь Андерса.

И теперь, после нападения Германии на Советский Союз, когда немцы так далеко продвинулись на восток, у польского генерала не оставалось ни малейшего сомнения: в ближайшее же время русские будут разгромлены, и Россия исчезнет. Поэтому надо срочно подумать о собственной судьбе.

Решение о его назначении командующим было принято и со всеми согласовано, но только Андерс знал, как непрочно на самом деле было его положение. В конце концов, в любой момент лондонская конъюнктура может измениться, Сикорский примет иное решение, и что тогда? Куда деваться ему, уже вкусившему первые сладкие плоды власти? Максимум, что он может получить, — должность командира дивизии. Но это значит идти на фронт, как предусмотрено договором с русскими. А там стреляют... Да и в своих стратегических способностях Андерс сильно сомневался.

За многими польскими делами постоянно, как тень, стоит Англия. Андерс это давно понял и поэтому сразу же и очень быстро установил отношения с англичанами. Способ, к которому он прибег, был безошибочным. Ещё до начала переговоров в Кремле он посетил начальника английской военной миссии в Москве генерала Макфарлана и попросил его — в целях большего сближения и взаимного знакомства — прикомандировать в качестве офицера связи на постоянной основе к командованию польских вооружённых сил своего представителя. Англичане, конечно, тут же с радостью исполнили эту просьбу. Они прислали полякам подполковника Гулляса, это была личная просьба Андерса, он был хорошо знаком с этим англичанином. Гулляс — старый английский разведчик — очень хорошо знал Советский Союз, в совершенстве владел русским языком, ещё в 1914—1918 годах работал на Кавказе, разбирался в вопросах нефтедобычи и проблемах Ближнего и Среднего Востока. Через сотрудника посольства доктора Реттингера Андерс также познакомился и с английским послом Криппсом.

Как только Госбанк открыл специальный счёт, на котором был размещён огромный советский кредит, Андерс по-настоящему почувствовал себя командующим. Это произошло 19 августа 1941 года. Тогда были переведены первые 5 миллионов рублей. Именно в те дни Андерс отчётливо понял, что всё его будущее благосостояние зависит только от него. Латыни он не знал, но когда-то услышал фразу из Овидия, произнесённую каким-то образованным человеком, которая ему страшно понравилась: *“Pauper ubique jacet”* — “Бедняк людям не нужен нигде”.

Поняв это буквально, генерал начал широко пользоваться предоставленными в его распоряжение средствами для личных целей. Он быстро купил несколько золотых портсигаров, золотую шкатулку, золотые монеты, несколько крупных бриллиантов и т. п. ценности. Именно тогда Андерс особенно отчётливо уяснил для себя, что ничто так не помогает человеку встать на ноги, как война. В те дни он фактически обворовывал наше государство. Да и своё тоже.

После января 1942 года, когда обсуждение вопроса о займе завершилось подписанием договора, фонд, которым единолично распоряжался Андерс, неизмеримо вырос. По его требованию этот фонд составлял 150 тысяч рублей

в месяц, из которых 50 тысяч шло на расходы по штабу и второму отделу, а сто тысяч ежемесячно – на расходы, контролируемые лично Андерсом. Через полгода Андерс в своём распоряжении имел денежный фонд, который по состоянию на январь 1942 года составлял 266 тысяч рублей. Расходы тщательно записывал адъютант генерала ротмистр Климовский.

Уже в тот период подхалимы из штаба начали было создавать светлый образ польского генерала-героя, придумали ему хорошую биографию. Якобы он окончил в Петербурге Пажеский корпус, а потом и Николаевскую академию генерального штаба. И серебряный знак об окончании академии – орёл в лавровом венке – ему лично вручил государь император и долго прочувственно жал при этом руку. И прослезился...

Но Андерс из осторожности прекратил эту рекламу. Были живы, и они находились рядом, люди, помнящие его и его деятельность. В частности, выпускник Пажеского корпуса и академии генштаба граф Игнатъев, ставший советским генералом. Популярностью Андерс в старой российской армии не пользовался, его не любили и такую примитивную ложь сразу бы разоблачили.

Мгновенно Андерс устроил для себя и своих друзей “светскую жизнь”. Его завтраки и обеды вскоре приобрели известность в польской среде. Еды, несмотря на военные ограничения, было вдоволь. Самые изысканные блюда, причём в неограниченном количестве, всегда были в распоряжении собеседников, количество всяких напитков тоже было немалым. Такие застолья получили среди приближённых Андерса название “обжираловка”. Всеми силами Андерс объединял вокруг себя будущих сторонников.

Андерс обладал уникальной способностью собирать около себя отъявленных прохиндеев и жуликов. Видимо, исходя из принципа “рыбак рыбака видит издалека”. Скупкой драгоценностей для генерала занимались офицер для поручений поручник Косткевич, вахмистр Шидловский и поручник Финклер из третьего отдела штаба, позже служивший в интендантстве. Через посредство посольства Андерс менял рубли на фунты и переводил деньги в заграничные банки на свою фамилию. Часть денег шла в Шотландию – именно там находился брат Андерса, который отслеживал все финансовые операции.

Однако надо было и дело делать или же хотя бы создавать вид деятельности. Первую встречу с советскими органами по военным вопросам Андерс провёл 16 августа, через два дня после подписания Соглашения. Беседа была краткой, вступительной, затрагивающей лишь вопросы организации польских частей в СССР. На этой встрече генерал Панфилов проинформировал Андерса о лагерях военнопленных, бывших польских солдат, и назвал их число – около 20 тысяч рядовых и около тысячи офицеров. Эти люди должны были стать основой для формирования польских воинских частей.

19 августа в Генеральном штабе Красной армии состоялось широкое совещание по вопросу организации польских вооружённых сил в СССР. Решили сформировать две польские дивизии и один запасной полк. Формирование дивизий решено было проводить на основе советских уставов в уменьшенном составе – одиннадцать тысяч человек. На этом же совещании решили, что вооружение эти дивизии получат от советских органов сразу же при их организации. Ко всем польским частям определили офицеров связи Красной армии.

Соглашение от 30 июля 1941 года стало основой для дальнейшего сотрудничества, выразившегося в военной конвенции, подписанной в Москве 14 августа 1941 года.

7. Кот на воеводстве

Кто же занимался этим вопросом с польской стороны?

Главным лицом здесь стал польский посол в СССР Станислав Кот. Трудно было выбрать более неожиданную фигуру для этого самого важного для Польши в то время политического поста.

Краковский профессор-историк, благополучно выбравшись из СССР в 1939 году, он через Румынию пробрался во Францию, а после её разгрома – в Англию, вместе с эмигрантским правительством Сикорского. Он приблизился к Сикорскому, используя старые довоенные приятельские отношения, никаких других качеств, необходимых дипломату, у него не было. Уже потом, после войны, Кот в своих мемуарах признавался, что Сикорский обратился к нему с этим предложением сразу же после подписания договора 30 июля,

прямо в кабинете Черчилля. Он был так поражён этим предложением Сикорского, что, как он сам выражался, “просто остолбенел”.

Как показали дальнейшие события, выбор польского премьера был неожиданным для всех членов его кабинета и стал в буквальном смысле роковым для самого Сикорского. Никто не мог понять, почему на этот пост назначен человек, не только не знающий русского языка, но даже не представляющий себе жизни в Советском Союзе, не имевший никакого дипломатического опыта и смутно понимавший, в чём должна заключаться его миссия.

Случайный посол вспоминал потом: “Никакой определённой инструкции я не получил. Не было даже никаких указаний о линии моего поведения. Поэтому, находясь в Москве, я не видел возможности ведения большой политики. Ведь там мы не имели в своих руках никаких козырей или возможности давления”.

Но здесь, в этих фразах, прекрасно видно, что кое-какие инструкции новый посол всё же получил. И были они в духе старой, провалившейся уже политики Бека и его компании: давить, требовать, пользоваться отсутствующими козырями, надувать щёки и пускать пыль в глаза. Тут уже было не до создания общих дружественных отношений, тесной связи народов в борьбе с общим врагом. Ведь лондонские поляки до сих пор думали лишь о “нажиге” и о “представлении аргументов и материалов для защиты нашего вопроса на международной арене”.

Посол совершенно не ориентировался в таких самых важных на тот момент вопросах, как сотрудничество вооружённых сил и взаимодействие польских вооружённых сил с посольством. Не определили — ещё в Лондоне — и взаимную зависимость и подчинённость посольства и польских военных.

Поэтому свою главную задачу Кот ограничил, как он вспоминал, “материальной, моральной и политической защитой и поддержкой польского населения в России, а также оказанием помощи Войску Польскому”.

Вторым человеком, присланным из Лондона в Москву и занимавшим на тот момент самый главный и ответственный пост, должен был стать глава военной миссии посольства, бригадный генерал Шишко-Богущ. Его основной задачей была подготовка и заключение военного соглашения с Советским Союзом. Однако и этот деятель оказался совершенно не готов к столь ответственной миссии. Вместо чётких инструкций и предложений по военному сотрудничеству он получил от высших польских лондонских военных лишь антисоветские установки, которых решил и придерживаться.

Вся эта деятельность носила характер какой-то провинциальной импровизации, несolidности и некомпетентности. И с этими людьми Москве надо было находить общий язык!

Однако был в команде польского посольства человек, вполне соответствовавший своей довольно скромной, но очень важной в то время должности. Это был пресс-атташе посольства Ксаверий Прушинский, известный до войны польский журналист.

Прибыв в Москву, опытный журналист сразу же разобрался в ситуации. В одном из очерков из Советского Союза он писал: “Так получилось, что достаточно поздно, чем необходимо, но раньше, чем наши эмигранты, я пришёл к выводу, что судьбы этой войны, а вместе с тем и судьбы Польши будут решены именно где-то в берёзовых лесах Карелии, на пыльных дорогах около Смоленска, Орши, Можайска”.

Он приехал, чтобы помочь Сикорскому в практической реализации договора с Россией, помочь людям из лагерей быстрее вернуться к жизни и в польскую армию, которая начала формироваться в СССР. Об этом он хотел написать книгу. Но в польскую армию ему удалось попасть только дважды — генерал Андерс всячески препятствовал допуску сотрудников посла Кота в свою вотчину.

Убеждённый в том, что будущее Польши после войны будет зависеть от хороших отношений с СССР, который победит в этой войне, журналист написал ставшую знаменитой статью под названием “Отношение к России”.

Он анонсировал в выходивших в Лондоне “Польских ведомостях” целый цикл российских репортажей, но ни один из них не вызвал такого потрясения в эмигрантских кругах, как этот первый. На голову автора посыпались громы и молнии, некоторые офицеры отказывались подавать ему руку, некоторые даже угрожали, что побьют его.

Его обвиняли, прежде всего, в том, что он хочет отдать России восточные земли, говоря о Польше Кшивоустого, — термин, которым Ванда Василевская определила послевоенные границы польского государства.

Были бесполезны все его оправдания, что он только репортёр и никого не хвалит, и никого не ругает. Никто его не слышал. Вся ненависть эмиграции по поводу пакта Майский-Сикорский сконцентрировалась на Прушинском. Но его репортажи из России один за другим появлялись на страницах «Польских ведомостей». Вскоре из-за чисто польских подковёрных интриг пришлось эти публикации прекратить.

Не удалось выпустить эти репортажи книжкой. Лондонские поляки активно этому противодействовали. Лишь в 1944 году в американском полонийном издательстве «Рой» вышла на английском языке книга репортажей Прушинского «Российский год». Её польский перевод появился в Польше только в 1988 году.

8. Формирование началось

Уже в двадцатых числах августа 1941 года к формированию польской армии в Советском Союзе приступили смешанные комиссии.

Смешанные призывные комиссии начали, в первую очередь, набор в Грязовецком, Южском, Суздальском и Старобельском лагерях, где находились интернированные польские солдаты. Армия набиралась не только по призыву, но и по добровольному принципу. Желавшие добровольно вступить в армию должны были обращаться в советские райвоенкоматы по месту жительства.

За личным составом формируемой армии, особенно за её командованием, был установлен политический контроль. К каждому польскому полку и дивизии, помимо офицера связи Красной армии, был прикреплен и офицер связи от органов НКВД. В то же время у органов НКВД появилась неожиданно возникшая проблема: к местам формирования войск двинулись тысячи гражданских лиц, лишь небольшая часть из которых были родственниками польских военнослужащих.

В первых числах сентября буквально со всех сторон, даже с самых отдалённых северо-восточных окраин Советского Союза, начали прибывать польские граждане: одиночки, иногда небольшие группки, а часто целыми семьями. Многие группы имели самодельные знамёна национальных цветов, всегда с орлами, пели солдатские песни, демонстрируя горячее желание вступить в армию. Все они были уверены, что будут воевать на «польском направлении».

Положение польских граждан изменилось до неузнаваемости. До этого перепуганные, неуверенные в завтрашнем дне, они стали, благодаря договору, свободными людьми. Все им помогали, как в лагерях, так и в дороге. Советские органы никого не задерживали и не раз смотрели сквозь пальцы на самовольные разъезды по всей территории Советского Союза тех, кто говорил, что направляется в польскую армию. Опьянённые и ошеломлённые свободой, они бежали, спешили, проявляли почти чудеса предприимчивости и находчивости в добычании мест в купе, а иногда захватывали не только купе, но и вагоны. Люди устремлялись в те места, о которых было известно, что там формируются польские части, — в Бузулук, Тоцкое, Татищево.

Ехали разные люди: были старики, молодёжь, дети, женщины. Все они устремлялись в лагерь. Одежда у них была самая разнообразная, часть ехала в старых польских мундирах. Таких, пожалуй, было больше всего, некоторые были одеты в гражданское, одни в сапогах, другие в лаптях, а иногда совершенно босиком. У одних были сундучки, у других какие-то чемоданы, иногда вещевые мешки, а чаще всего — обыкновенный узелок в руках.

Так собирались разбросанные по всему Советскому Союзу поляки. Одни находились в концлагерях, другие работали в колхозах или на лесозаготовках, или же на дорожных работах. Одни пребывали в ссылке, другие в так называемых стройбатальонах, а часть находилась в рядах Красной армии.

Поляков прибывало очень много. Ещё в Москве из первых донесений штаб польской армии узнал, что количество прибывших давно превзошло не только те первые двадцать шесть тысяч пайков, но и те тридцать тысяч, что были даны в конце августа.

Ежедневно в места формирования стихийно прибывали сотни поляков. Только в Тоцком и Татищевском лагерях, помимо войск, скопилось более 3 тысяч человек. Ввиду необеспеченности продовольствием эти лица занима-

лись спекуляцией, грабежами, устраивали дебоши, занимались антисоветской агитацией. Территориальные органы НКВД в этих местах вполне обоснованно считали, что неорганизованный наплыв поляков будет возрастать.

Советские представители предложили сформировать третью польскую дивизию. Андерс разделял это мнение, тем более что он и сам намеревался просить о создании ещё нескольких дивизий. Однако А. Панфилов указал Андерсу, что общая численность подчинённых ему частей определена на 1941 год в 30 тысяч человек.

Работа по формированию польских частей шла в ускоренном темпе, с большим опережением составленного ранее графика. Однако всё шло чётко и весьма точно документировалось. Уже 1 октября 1941 года Л. Берия сообщил И. Сталину и В. Молотову, что из 391 575 польских граждан, находившихся в местах заключения и в ссылке, к 27 сентября освобождены из тюрем и лагерей 50 295 человек, из лагерей военнопленных 22 297 и 265 248 спецпереселенцев. На 25 октября 1941 года в польскую армию было призвано 41,5 тыс. солдат и офицеров, что значительно превышало намеченные ранее цифры. Позднее, во время переговоров со Сталиным в Кремле, Сикорский настаивал на создании армии в 150 тысяч человек. В конце концов, договорились о 96 тысячах. К концу февраля 1942 года эта армия насчитывала уже около 75 тысяч человек.

Теперь надо было думать об отправке на фронт. Андерс неоднократно и громко заявлял, что он считает «целесообразным по мере того, как та или иная дивизия будет готова, немедленно направить её на фронт», и даже в своих позднейших мемуарах подчеркивал: «Мы хотели первыми вступить на территорию Польши, это наш долг перед родиной».

Снабжение и обеспечение польской армии всем необходимым устанавливалось по существующим для Красной армии нормам. Причём это были нормы для частей, находившихся на боевых позициях, на передовой, на фронте. В этом случае полкам, находившимся в тылу, явно пошли навстречу и сделали поблажку даже по стоимости поставок. Вот что писал по этому поводу в Лондон польский посол в Москве Станислав Кот:

«Военные (польские) признают, что советские власти засчитывают продовольствие, вооружение и снаряжение, ими поставляемые, по чрезвычайно низким ценам. Советские военные власти весьма облегчают организацию польского войска, на практике они полностью идут навстречу польским требованиям, отдавая войску солдат, мобилизованных уже в Красную Армию на землях восточной Польши».

Это было особенно важно, поскольку продовольственная проблема в тот период в Советском Союзе стояла особенно остро. Население СССР отказывало себе во всём, но поляки из армии Андерса не испытывали никакой нужды.

Как пример ситуации с продовольствием в СССР можно привести обстановку в Архангельске – крупном торговом порте на севере России.

Каковы были в то время нормы отпуска продуктов по карточкам? В Архангельске с 1 ноября 1941 года **в месяц** выдавали:

1. Рабочим и инженерам оборонной промышленности: мяса и рыбы – 2200 грамм, жиров – 600 грамм, крупы и макарон – 1500 грамм.
2. Рабочим и инженерам остальной промышленности, транспорта и связи: мяса и рыбы – 1800 г, жиров – 400 г, крупы и макарон – 1200 г.
3. Служащим: мяса и рыбы – 1200 г, жиров – 300 г, крупы и макарон – 800 г.
4. Иждивенцам: мяса и рыбы – 500 г, жиров – 200 г, крупы и макарон – 600 г.
5. Детям до 12 лет: мяса и рыбы – 400 г, жиров – 300 г, крупы и макарон – 800 г.

К ноябрю 1941 года ситуация с продовольствием в Архангельске ухудшилась настолько, что люди начали есть кошек и собак...

Но в этот же период немецкие и иные военнопленные стран оси получали 600 граммов только хлеба **в день!** Это не считая других продуктов. С пленными обращались даже лучше, чем с собственным населением, поскольку, к примеру, дети и иждивенцы получали тогда по 300 г хлеба в день.

Именно в это время польские офицеры жаловались, что их паёк недостаточен, и в нём нет... шоколада! «Ведь в немецкой армии даже солдаты получают его, а почему в советской нам его не дают?»

Острой и сложной проблемой стал вопрос с вооружением польских частей. Согласно договору, советская сторона брала на себя обязательство предоставить вооружение для одной дивизии польской армии из собственных запасов. Снаряжение, обмундирование и автомашины должны быть поставлены в меру возможности, рассчитывая, что польская сторона договорится о соответствующих поставках и с другими союзниками.

Следует особо подчеркнуть, что речь шла о самом трудном для Советского Союза периоде войны, когда на советско-германском фронте решался вопрос о судьбе страны, самом её существовании. Фронт требовал бесперебойного снабжения оружием, боеприпасами, снаряжением, и всего этого остро не хватало даже для воюющих частей.

Вопрос о вооружении польской армии постепенно приобретал не столько военный, сколько политический характер, влияя на союзнические отношения в целом.

Командование польской армией, несмотря на проблему с вооружением, постоянно, однако, добивалось не предусмотренного соглашением увеличения её численности, формирования всё новых и новых соединений.

Советская сторона была вынуждена сообщить, что единственным препятствием для формирования новых дивизий, как и прежде, является отсутствие вооружения, а также трудности с продовольственным снабжением в СССР. Однако польский посол лукаво сообщил в Лондон, а также послам США и Великобритании в СССР свою версию, заявив, что Советский Союз не хочет, чтобы на его территории была создана крупная польская армия. Именно с этого момента польская сторона начинает обострение вопроса о снабжении армии, выдвигается проблема её вывода с территории СССР. И подобная позиция польской стороны встретила поддержку западных союзников.

25 октября 1941 года В. Сикорский устно заявил А. Богомолу — советскому послу при эмигрантских правительствах в Лондоне — о намерении перевести польские части в Иран или хотя бы в Астрахань.

Командование армией разместилось в районном городке Бузулук в Центральной России, за Волгой, в ста с небольшим километрах от Куйбышева, в который вскоре переехали все дипломатические представительства.

В Бузулуке штаб получил в своё распоряжение красивый дом, гостиницу для офицеров, пятикомнатный особняк для командующего армией и ряд других помещений, в которых размещались сборный пункт вновь прибывающих, комендатура гарнизона, отделы штаба и отдел социальной опеки. Первая партия людей в количестве двадцати тысяч человек поступила сразу же после прибытия призывных комиссий в лагерь военнопленных. В основном это были полноценные солдаты, обученные, относительно молодые.

Кроме этого полноценного с военной точки зрения контингента, в основном хорошо подготовленного, начали одновременно прибывать и массы поляков, освобождённых из тюрем и концлагерей, а также те, кто находился в так называемой добровольной ссылке. Договор и призыв в польскую армию они восприняли однозначно — как способ организованным путём исчезнуть из воюющей страны. Это были люди, самые различные как по возрасту, состоянию здоровья, так и по военной подготовке. Прибывало так много народу, что приходилось каждый день увеличивать количество продовольственных пайков. Уже в начале сентября в неорганизованных ещё частях находилось свыше тридцати четырёх тысяч человек.

Пока сорока четырёх тысяч пайков, выделенных советскими властями, хватало. Но ими питались не только армия, но и те гражданские организации, которые группировались около воинских частей.

Вооружения для формирующейся армии требовалось немало. Только в сентябре-октябре 1941 года для формирующихся польских частей было передано полное вооружение для одной пехотной дивизии: 40 орудий, 135 миномётов, 8451 винтовок. 162 пистолета-пулемёта, 270 ручных и станковых пулемётов, 1022 револьверов и пистолетов.

Всё было сделано, как и обещал Сталин. Оружие собирали по всей стране. В некоторых крупных городах милиционеры выходили на дежурство без личного оружия — всё было отправлено на фронт.

А англичане к тому времени оружия так и не прислали. Не поступило от них и обещанное обмундирование. В связи с неполучением обмундирования из Англии армии Андерса в порядке помощи было выделено 46 тысяч ком-

плектов ватных брюк, телогреек и кожаных ботинок, а также 30 тысяч штук другого обмундирования.

Так что жалобы поляков на отсутствие помощи в вооружении и обмундировании просто несостоятельны. Да, помощь была недостаточной. Но в каких условиях она оказывалась? Об этом польские исследователи и публицисты предпочитают не говорить. А ведь была осень 1941 года – самый трудный для нашей страны период начала войны.

Но поляков это не интересовало. Их девиз был: “Вынь да положи!” Эта позиция возмущала всех. Поляки решили “нажимать”. Андерса и Кота объединяло общее субъективное мнение, что только путём нажима можно что-то получить от Советского Союза.

Это не соответствовало действительности. Власти СССР шли навстречу полякам и делали всё возможное для формирования польской армии.

9. Армия не идёт на фронт

Не желая посылать польские части на Восточный фронт, чтобы они совместно с Красной армией сражались против Германии под советским верховным командованием, Андерс предпринял определённые шаги. Как только 5-я пехотная дивизия получила оружие в сентябре 1941 года, он решил её разоружить, изъяв у неё свыше трети оружия под предлогом, что оно необходимо для обучения других частей и для караульной службы, охраны штабов, складов и прочего. Вроде бы совершенно правильно, но при этом готовая пойти в бой дивизия сразу же становилась небоеспособной, чего и желал Андерс.

15 сентября в Бузулуке состоялось совещание, на котором Андерс выступил с пространной речью, в которой подчеркнул, что немецкие войска всё время наступают и добиваются больших успехов. Вследствие этого советский фронт может по всей линии не выдержать, а Москва в любой момент может пасть.

В связи с тем, что советский фронт весьма ненадёжен, следует польскую армию перевести как можно дальше на юг, если возможно, то к иранской или афганской границам, так как это будет необходимо по следующим двум главным причинам: а) в случае падения советского фронта польские войска могут уйти в Иран, в случае крайней необходимости – через Афганистан в Индию; б) ввиду лучшей возможности быстрее снабжения оружием, которое туда могло бы поступать от англичан.

И в связи с этим уже сейчас следует всех людей, следующих в существующие сборные пункты армии, задерживать и направлять в новые места формирования польских частей в район Ташкента и ещё южнее, как можно дальше от фронта. С этой целью необходимо как можно быстрее направить на крупные и узловые станции железных дорог польских представителей, которые задерживали бы людей и отправляли их на юг. С этим нужно спешить, чтобы поставить советские органы перед совершившимся фактом. Тогда можно будет аргументировать тем, что армию следует формировать там, где находится большое скопление поляков, объяснив это возможной разгрузкой железнодорожного транспорта, исключительно дефицитного в военное время.

Вот какие тезисы – сентябрьские – изложил перед своими доверенными людьми Андерс. Сразу всем стало ясно: **польская армия воевать за Польшу рядом с советской не намерена и не будет.** Главное – спастись от фронта и убежать как можно дальше, а русские пусть выкручиваются сами!

10. Ситуация на фронте

Формирование польских частей происходило в очень тяжёлый для нашей страны момент. 30 сентября немцы начали операцию, целью которой было взятие Москвы.

Вначале было решено массово применить авиацию. Они попытались использовать свой опыт ночных бомбардировок, считая, что русским противопоставить этому нечего. Действительно, у нас не было ни соответствующих локаторов, ни специальных двухмоторных перехватчиков с тяжёлым вооружением и РЛС, и даже обычных истребителей новых типов не хватало.

Вечером 21 июля 1941 года 250 немецких бомбардировщиков впервые атаковали Москву. Они были перехвачены над “ложной столицей”, имитирующей

затемнённые кварталы. До двух часов ночи враг пытался добраться до главной цели, но это удалось сделать только одиночным самолётам.

До 15 августа немцы 18 раз атаковали Москву ночью, и потеря около 200 самолётов при этом воздушном наступлении стала для них полной неожиданностью. Ночные бомбардировки были прекращены, днём тоже прорваться не удавалось, и соединения бомбардировщиков были частично перемещены на другие театры войны, а части, вооружённые “Юнкерсами-88”, были брошены против обороняющих столицу частей Красной армии.

Наступление фашистских войск на Москву по плану операции “Тайфун” началось 30 сентября 1941 года на Брянском направлении и 2 октября – на Вяземском. Наши войска оказывали упорное сопротивление, но противник имел перевес в живой силе, танках, самолётах и упорно рвался к Москве. Гитлеровские войска захватили 4 октября Спас-Деменск, 5 октября – Юхнов, 7 октября – Вязьму.

В начале октября обстановка на фронтах стала просто катастрофической. Хотя по количеству соединений, особенно под Москвой, советская сторона вроде бы имела преимущество над противником, но если посмотреть на истинное положение дел, не только на количество дивизий и корпусов, а на наполненность их реальными силами, то получается, что преимущество было явно у гитлеровцев. И следует учесть, что дело не всегда решают силы, большое значение имеет умение их применить, то самое военное искусство, которым владеют или не владеют военачальники, возглавляющие войска.

На первом этапе, при подготовке битвы за Москву, военное мастерство, следует признать, было на стороне гитлеровцев. Они не только сумели за короткий срок восстановить боеспособность ослабевших в предыдущих боях дивизий, но ещё мастерски провели перегруппировку и создали на главных направлениях такие мощные ударные “кулаки”, что удержать их малочисленные на этих участках советские подразделения не могли.

С первых же дней войны для советских войск оказалась неожиданной ударная сила и мощь немецкой армии. Неожиданностью было и шести-восьмикратное превосходство в силах на решающих направлениях. Это и было тем главным, что определило потери советских войск в первый период войны.

К первой декаде октября сплошного фронта на Западном направлении фактически уже не было, образовалась большая брешь, которую нечем было закрыть, так как никаких резервов командование Брянского, Западного и Резервного фронтов не имело. Нечем было закрыть даже основное направление на Москву. Пути к ней, по существу, были открыты. Никогда с самого начала войны гитлеровцы не были так реально близки к захвату Москвы.

В те дни Геббельс с редким усердием вопил в микрофон: “Москва – не столица, Кавказ – не граница!” Он не сомневался в успехе блицкрига.

В середине ноября немцы начали второе наступление на Москву. В это время командующий группой армий “Центр” генерал-фельдмаршал фон Бок вводит в бой свои последние резервы. Под ударами превосходящих сил противника в конце ноября – начале декабря советские войска ещё вынуждены на отдельных участках фронта под Москвой отступать. Боевые порядки защитников столицы сжимаются подобно пружине, готовятся распрявиться и нанести врагу сокрушительный удар. К 4 декабря вражеские войска понесли тяжёлые потери в живой силе, танках, самолётах и остановились, готовясь зарыться в мёрзлую землю, занять оборону, перезимовать у стен Москвы.

Московская стратегическая оборонительная операция, которая длилась до 5 декабря, перешла в фазу контрнаступления, продолжавшегося 34 дня.

Войска Калининского фронта перешли в атаку 5 декабря. 6 декабря обрушили удары на врага войска Западного и Юго-Западного фронтов. На некоторых направлениях наши войска перешли в контрнаступление ночью без артиллерийской подготовки.

В течение двух-трёх дней войска Западного фронта прорвали оборону противника на тактическую глубину и заставили его отступать от Москвы. На всех дорогах к западу от столицы вскоре образуются большие скопления и заторы танков, автомашин, бронетранспортёров, колонн фашистской пехоты. Этого теперь уже отступающего врага штурмуют “летающие танки” – штурмовики Ил-2. После каждой штурмовой атаки на дорогах и заснеженных полях Подмосковья пылают десятки танков, сотни автомашин, остаются трупы солдат многочисленных пехотных батальонов гитлеровцев.

И именно в эти дни польское командование планирует общий драп в Индию!..

11. Поляки не у дел

Андерс и Богуш вместе с Котом подготовили предложения, касающиеся польской армии, и в неофициальной форме вручили генералу Макфарлану, чтобы тот поддержал их перед председателем англо-американской комиссии лордом Бивербруком. Официальный экземпляр этой записки был передан американскому делегату Гарриману. Поляки предлагали план создания семи крупных соединений: трёх пехотных дивизий, двух танковых дивизий и двух моторизованных дивизий, а также армейских и запасных частей.

Но заниматься этими вопросами в англо-американской комиссии никто не стал. Она была занята совещаниями со Сталиным.

На общую конференцию союзников поляков не пригласили. Лишь после настойчивых просьб посла Кота 2 октября в американском посольстве в Москве состоялась встреча-конференция по польским вопросам. На ней присутствовали лорд Бивербрук, министр Гарриман, английский посол Криппс, американский посол Штейнгард, английские генералы Исмей, Макфарлан и американский генерал Бернс. С польской стороны – посол Кот, генерал Андерс и генерал Богуш.

Макфарлан доложил вопрос с целом, но лорд Бивербрук сразу же принципиально всё отклонил, не желая вообще дискутировать на эту тему. Он не только не поддержал польского предложения, не только ничего не обещал, а совершенно ясно подчеркнул, что всё, что англичане могут дать, они передадут Советскому Союзу, а он, в свою очередь, сможет выделить полякам лишь то, что найдёт нужным.

При этом Бивербрук исходил из принципа, что поскольку поляки должны сражаться на советском фронте, нет необходимости наделять их особым вооружением, отличным от советского. Поляки должны получить его от Советского Союза в соответствии с планом использования польской армии, тем более что воевать они должны под верховным командованием Красной Армии.

Английского вооружения поляки так и не получили – авантюра Андерса провалилась.

Не успев проглотить обиду, Андерс получил нахлобучку из Лондона. За переговоры, проводимые непосредственно с англичанами без предварительной санкции польского правительства из Лондона и без согласования вышеупомянутых требований с Сикорским, Андерс получил от него нагоняй. Премьер Сикорский упрекнул Андерса в том, что он вмешивается в не свои дела и хлопочет о вещах несущественных, так как создание в Советском Союзе такой польской армии, какой он представил её англичанам, лондонским штабом не предусматривалось.

И уже на следующий день после этой конференции Сикорский направил послу Коту телеграмму следующего содержания:

“Лондон, 3 октября 1941 г.

... Кроме того, предлагаю предупредить Андерса, чтобы точнее, чем до сих пор, рассчитывал свои организационные планы. Такие большие расходы в потребностях вооружения нас компрометируют.

Сикорский”.

Подоплёка всего этого дела, всей этой возни состояла в следующем: достаточно влиятельная часть лондонских поляков старалась не допустить создания в СССР слишком сильной польской армии. Они полностью разделяли стремление английских властей в том, чтобы как можно больше польских военных покинули Советский Союз и пополнили части британских войск на Западе и в странах Ближнего Востока.

Англичане считали, что если уж так необходимо, чтобы в СССР существовала польская армия, то пусть она будет, но будет символически, в небольшом количестве. Главное – все польские силы должны быть сконцентрированы под командованием англичан, а как их потом использовать и где, они решат сами.

В Англии явно опасались, что слишком сильная польская армия в СССР будет представлять опасность для Лондона, станет просоветской, а значит, возможным соперником и весомым аргументом в послевоенной борьбе

за власть в Польше. В том, что такая борьба предстоит, в Лондоне не сомневались.

Одновременно с ходатайством в союзническую миссию по вопросу организации польской армии, Андерс, следуя решениям, принятым в конце сентября в Бузулуке, направляет письмо в Генеральный штаб Красной армии. Он просит разрешить дальнейшее увеличение частей до семидесяти тысяч человек. И, естественно, о соответствующем увеличении количества продовольственных пайков! О вооружении не было сказано ни слова. И главное, он просит выделить территорию в районе Ташкента для формирования новых подразделений. Совсем близко от границы! Какой умный генерал!

Только ответа на это послание Андерс не получил. Не то было время для страны. Всё осталось по-прежнему: сорок четыре тысячи пайков, вооружение одной дивизии и организация трёх крупных частей в существующих районах.

На этом и закончили усилия Андерса по созданию польской армии в СССР. Теперь его занимало основное, ещё в Бузулуке созревшее решение о выводе всей польской армии из Советского Союза.

12. Армия на распутье

Приближался период холодов, начало поступать тёплое обмундирование. В строгом смысле, это не было военной формой. Это была одежда, присылаемая советскими органами как временная, впредь до получения обещанного обмундирования из Англии. После получения вооружения части прошли подготовку по подразделениям, начались стрельбы, показавшие хорошие результаты, проводились длительные марши. В заключение 10 октября 15-й полк провёл показательное наступление при поддержке миномётов.

Армия становилась настоящей боевой силой – хорошо обученной, дисциплинированной, всё более готовой к боевым действиям. Всюду чувствовалось бодрое, боевое настроение. Появились новые песни, выходили дивизионные и стенные газеты в каждой части. Появились солдатские клубы, начали организовываться кружки самодеятельности, как дивизионные, так и полковые. Активность проявили польские военные музыканты. Для них, для создания полковых оркестров советские власти передали три полных комплекта духовых инструментов.

В строевых частях никто не вспоминал о прошлом, все мысли были устремлены в будущее – к долгожданной схватке с врагом.

Младшие офицеры, подофицеры и солдаты не отдавали себе отчёта в том, что происходило в верхах. Они учились интенсивно и с подъёмом. Начальное обучение, собственно, было закончено (в масштабах подразделений), приступили к учению более крупными частями, даже полками. Проводились двадцатикилометровые марши.

Одновременно велись работы по подготовке к зиме. Заморозки уже беспокоили, и холод давал себя крепко чувствовать в палатках. Солдаты начали зарываться в землю, сооружать землянки. Морозы наступили уже в первых числах ноября, и вскоре толстый слой снега покрыл землю. Там, где имелись лошади, возили из ближайших лесов брёвна для строительства землянок. Там, где лошадей не было, лес носили на собственных плечах.

Так происходило почти везде. Заготавливали лес, копали землянки, мастерили печи из кирпича, железа, старых труб т.п. Делали, как умели, но главным образом, вкапывались в землю на метр, затем края обрамляли досками, а уже потом натягивали над этим сооружением двойные палатки, снаружи обсыпали землёй так, чтобы не гулял ветер, делали печки-временки, сооружали топчаны. Так все подразделения подготовились к зиме. Солдаты не переставали учиться.

Так происходило во всех военных лагерях – в Татищеве, Тоцком и Бузулуке.

Очень нелегко приходилось тогда рядовым. Но как блестяще выглядели в то время польские офицеры! Они всегда ставили в основу жизни своего офицерского корпуса внешний блеск и шик, металл в голосе при подаче команд, чёткий поворот и щёлк каблуков, умение вскинуть руку с двумя пальцами к козырьку фуражки – это было превыше всего. . .

Особое отношение у польских офицеров было к холодному оружию. Советский журналист и писатель Александр Кривицкий, бывший в начале декабря 1941 года в гостинице “Москва” интервью у Андерса, вспоминал:

“Генерал Андерс стоял передо мной во весь рост уже во френче, застёгивая поясной ремень и поправляя наплечный. Он пристегнул у левого бедра саблю с замысловато украшенным эфесом — наверное, собирался на какой-то приём (видимо, речь шла о приёме в Кремле 4 декабря 1941 г.). Его распирало самодовольство.

— Пока русский провозится с кобурой и вытаскивает пистолет, поляк вырвет из ножен клинок и... дж-и-ик! — Андерс картинно показал в воздухе, как легко и быстро он управится с саблей и противником.

— Но, господин генерал, — по возможности спокойно сказал я, — несмотря на такое ваше преимущество, мы давно воюем, а вы ещё держите саблю в ножнах, — он метнул на меня взгляд из серии тех, какие должны убивать”.

Солдаты активно готовились к боям, но совсем иная атмосфера (как и в Лондоне) царила в “верхах”, среди польских офицеров. Здесь не хотели признавать польско-советского договора, не хотели его осуществлять. Его трактовали лишь как необходимое зло, а Советский Союз считали врагом, пожалуй, большим, чем Германия. Именно эта санационная группа в Советском Союзе, при поддержке генерала Андерса с первого момента начала решительно уничтожать какие-либо проявления здорового и доброго отношения к СССР.

Рапорты сотрудников НКВД, состоявших при польской армии и продолжавших делать своё дело, свидетельствовали о таких разговорах польских офицеров между собой.

Майор Гудановский: “Мы, поляки, направим оружие на Советы, отомстим за свои страдания в лагерях. Если только нас возьмут на фронт, своё оружие направим против Красной Армии”.

Поручник Корабельский: “Мы вместе с Америкой используем слабость Красной Армии и будем господствовать на советской территории”.

Капитан Рудковский: “Большевики на краю гибели, мы, поляки, только и ждём, когда нам дадут оружие, тогда мы их прикончим”.

Поручник Лавитский: “Вы, солдаты, не сердитесь пока на Советы. Когда немца разобьём, тогда мы повернём винтовки на СССР и сделаем Польшу, как раньше было”.

Поручник Вершовский: “С Советским Союзом против Германии мы воевать не будем. Они нам вместе всадили нож в спину и посадили в концлагерь. За это мы, придёт время, отомстим. В этой войне поляки выполнят роль чешской армии в годы гражданской войны”.

Пани Пеляцкая, полька, прибывшая в Тоцкие лагеря для поступления в польскую армию, написала сама заявление в НКВД, где говорилось: “В Тоцком лагере нет никакого стремления к борьбе. Они довольны, что получили свободу, и при первом случае перейдут на ту сторону против советской власти. Их разговор полон цинизма и злобы к Советскому Союзу”.

13. Двумличие

Польское посольство, основной задачей которого было оказание помощи польскому населению, создало для этого огромный административный аппарат, состоявший из более чем двух тысяч восьмисот человек, разбросанных по всей территории Советского Союза.

Это было почти второй администрацией в государстве, распоряжавшейся совершенно самостоятельно, и не подчиняющейся советским органам власти, но выдвигавшей всякие требования и проявлявшей на каждом шагу своё недовольство.

Да и сам Андерс договор с СССР рассматривал как необходимое временное зло. Своё пренебрежение и презрение к советским офицерам он искусно маскировал внешней любезностью. Он явно ожидал момента, когда Советский Союз будет побеждён. В возможность победы Советского Союза он не верил. В этом он постоянно старался убедить и польского посла Кота.

С самого начала своей деятельности и весь последующий период Андерс постоянно стремился придумать что-то, чтобы не посылать польские войска на советско-германский фронт, сохранив их до момента, как он говорил, “когда Советский Союз будет разбит”, или при первой же возможности вывести их с территории Советского Союза.

Поэтому он и радовался в беседах 5—6 августа с подполковником Берлингом, что польская армия будет формироваться где-то в Центральной России,

за Волгой. И когда СССР падёт, он будет иметь полную свободу деятельности и маневрирования.

Разведотдел армии генерала Андерса, сформированной на территории СССР, имел своей задачей проведение оперативных мероприятий, связанных не только с военными действиями, но, как говорилось в инструкции, “с потребностями будущего восстания в Польше”, а также с необходимостью создания условий для ведения полномасштабной разведки на Востоке в послевоенное время.

Приступая к созданию штаба, Андерс хотел назначить его начальником кого-то из своих старых приятелей – генерала Скуратовича или полковника Раковского. Но их в тот момент под рукой не оказалось. Пришлось остановиться на кандидатуре полковника Леопольда Окулицкого. Это был случайный, но очень удачный выбор.

Надо было подумать и о другом. Англичане англичанами, а вдруг немцы всё-таки возьмут верх? В этом вопросе следует обязательно подстраховаться...

Поэтому весьма срочно и в полной тайне надо поискать определённые пути, чтобы связаться с высшим германским командованием.

Но для этого нужен специальный эмиссар. И он оказался буквально под рукой. Это был бывший польский премьер-министр Леон Козловский, кстати, тоже профессор, как и посол Кот, только археолог, и рассуждавший точно так же, как и Андерс. Он, как и Андерс, попал на Лубянку, отсидел там больше года, но ничего полезно от него узнать не удалось.

В своё время, характеризуя своих соратников, Пилсудский прямо называл их “дураками”, “идиотами” и “подлейшими из подлых”. Как-то раз, видимо не выдержав “деятельности” своих соратничков, Пилсудский в сердцах произнёс: “Всем назло назначу премьер-министром самого глупого... Я им докажу, что последний дурень может быть премьером”. По прихоти Пилсудского министром сельского хозяйства и был назначен археолог Леон Козловский. Потом он стал даже премьером – всё, как говорил маршал Пилсудский.

Леон Козловский считал, что Польша, несмотря на всё происшедшее в сентябре 1939 года, должна сотрудничать с Германией как это сделали Румыния, Венгрия и другие сателлиты “оси”. К тому же, по мнению польского посла в Москве Кота, Козловский был почти открытым противником правительства в Лондоне. Посол Кот дал ему краткую и исчерпывающую характеристику в письме Сикорскому от 10 сентября 1941 года: “Несомненным противником (правительства в Лондоне) является Козловский, который хотел бы пойти к Андерсу в качестве референта по политическим вопросам или, когда немецкие войска подойдут ближе, поехать в Польшу...”

Андерс обласкал Козловского, одел в военную форму и даже присвоил тому чин поручика (старшего лейтенанта).

Ровно неделю Козловский проработал в финансовом отделе штаба польской армии, а затем – после ряда совещаний и заседаний – получил распоряжение отбыть в Москву, как бы в посольство, хотя оно в то время уже находилось в Куйбышеве. В действительности он должен был перейти линию фронта, что в условиях немецкого наступления было делом нетрудным. Фронт в то время быстро перемещался и был почти у ворот Москвы.

Был конец октября 1941 года, когда Козловский в сопровождении двух польских офицеров перешёл линию фронта, уже в конце ноября он был в Варшаве и в том же месяце оказался в Берлине.

Скрыть данную операцию Андерсу не удалось, поскольку немцы не преминули сообщить о ней по радио и в печати. В штабе польской армии в Бузулуке всё гремело от сплетен и разговоров. Почти открыто Андерса обвиняли в посылке Козловского для переговоров с Гитлером.

Будет крайне наивно допускать, что советские власти обо всём этом не знали. Но пока они молчали и Андерса не трогали. Политика!

Но Москва не сдалась, и немцев остановили, а потом отбросили. Фронт остановился. Вот-вот должен состояться визит Сикорского для встречи со Сталиным. Андерса охватила паника.

Надо было срочно отвести от себя подозрения в том, что именно он послал Козловского к немцам. Заметая следы, Андерс приказал провести расследование и выяснить: каким образом Козловский выехал из Бузулука в Москву, как и когда перешёл линию фронта.

Следствие вёл второй отдел штаба армии во главе с подполковником Гелгудом (Аксентовичем), известным своими германофильскими взглядами. Он вёл следствие таким образом, что точно установить ничего не удалось. Однако не удалось скрыть, что Козловский появился в Бузулуке по личному приглашению Андерса и за несколько дней до своего отъезда посетил в Тоцком генерала Токажевского, взяв с собой ещё одного офицера. Главное, что удалось установить и не получилось скрыть, – Леон Козловский выехал в Москву по поручению генерала Андерса, который лично подписал его командировочное удостоверение!

Надо было срочно спастись. И тут Андерс проявил необыкновенную активность. Срочно созданный суд мгновенно осудил Козловского за государственную измену и переход на сторону противника.

Не вникая в существо дела, суд сразу же осудил бывшего польского премьера за предательство и дезертирство и приговорил к смертной казни. Андерс тут же утвердил приговор, хотя никакого законного права на это не имел. Смертные приговоры офицерам мог утверждать только верховный главнокомандующий Сикорский. Но опасаясь, что тот прикажет провести новое расследование, Андерс решил поставить главнокома перед совершившимся фактом.

Впрочем, вся эта процедура носила лишь показной характер и здорово отдавала обыкновенным фарсом. Добраться до Козловского, который находился в Берлине под заботливой опекой гитлеровцев, было невозможно.

Однако Андерс своё дело сделал, и всё как бы сошло на тормозах.

Через несколько месяцев поступило сообщение, что во время одного из воздушных налётов на Берлин Козловский был тяжело ранен и через две недели скончался в одном из берлинских госпиталей.

Впрочем, это сообщение немецких властей следует принимать с осторожностью. Скорее всего, Козловского поначалу просто использовали, а затем, видя, что ничего путного от поляка получить больше нельзя, просто пристрелили. А для публики и мировой общественности была выдумана элегантная версия о гибели под английскими бомбами...

Такой удачный конец обрадовал всех. Андерсу Козловский стал неопасен, а немцы, видимо, не сочли нужным дальше продолжать свои игры с обанкротившимся польским политиком. К тому же, к этому времени их разгромили под Москвой. Временно Андерс был спасён, но понимал, что оставаться на территории СССР для него опасно. Теперь он ещё более активно вёл действия, направленные на вывод польской армии из Советского Союза.

14. Испытания генерала Андерса

Однако немецкая разведка своей деятельностью в отношении польской армии в СССР не прекращала.

В декабре 1941 года в штаб Андерса поступило сообщение от советских органов, которые принято называть компетентными, о том, что линию фронта перешли и явились к ним курьеры из Польши. Они просили направить их в формирующуюся польскую армию, к Андерсу. Их задачей было установить связь между подпольем в Польше и польской армией в СССР. Прямо с фронта их перевезли в Москву на Лубянку, а затем попросили, чтобы доверенный офицер польской армии приехал за ними и забрал в Бузулук, поскольку это польское внутреннее дело. Андерс выслал за курьерами майора Бонкевича, начальника второго отдела, который вскоре вернулся с поручиком Чеславом Шатковским (псевдоним – ротмистр Заремба) и ещё тремя офицерами.

Курьер из Польши передал Андерсу письмо от его жены, находившейся в Варшаве, собственноручно ею написанное, в котором говорилось, чтобы муж оказал полное доверие курьеру. Шатковский заверил генерала, что его жене никто не угрожает, так как у неё хорошие отношения с немцами, и что о ней заботится один из немецких полковников. У неё прекрасная квартира в Варшаве по адресу: «аллея Независимости, 163, кв. 7. Она ни в чём не нуждается. Само это сообщение явно говорило о том, что жена Андерса, помня о немецком происхождении мужа, подписала фольк-лист, который давал огромные преимущества в оккупированной немцами стране. Хотя впрямую Шатковский об этом не говорил.

Эта информация явно не понравилась генералу. Здесь, кроме чисто информативной стороны, присутствовал и лёгкий элемент шантажа: смотрите,

пан генерал, ваша супруга уже сделала правильный выбор, подумайте и вы... А русские всё равно обречены...

Затем поручик Шатковский подробно рассказал собравшимся о Польше, как там живётся, чем занимаются горожане, интеллигенция, различные слои населения, как переживают оккупацию, что думают.

Встреча и беседа продолжалась несколько часов. Генерал был странно возбуждён и раздражён. Оказывается, курьер привёз из Польши от подпольной организации какую-то инструкцию на плёнке. Эту плёнку надо было проявить и расшифровать.

Шатковский рассказал, что маршал Рыдз-Смиглы вернулся в Польшу, принимал участие в работе подполья и в конце ноября или начале декабря умер якобы от ангины. Это произошло в Варшаве в первых числах декабря 1941 года, похоронен он был на Повонзках 6 декабря.

Похороనికి его как учителя, под видом которого он выступал. В левый карман пиджака положили его визитную карточку, чтобы при возможной эксгумации в будущем его можно было опознать.

С самого момента приезда поручика Шатковского Андерс ходил сам не свой, он испытывал какую-то тревожную растерянность. Ведь курьеров прислала организация, которая намеревалась сотрудничать с немцами, и такое же сотрудничество она предлагала Андерсу. Эта подпольная варшавская группа носила имя "Мушкетёры", во главе её стоял некий инженер Витковский. Именно к ней, явно рассчитывая возглавить эту организацию, и приехал польский маршал Рыдз-Смиглы, решивший хоть как-то реабилитировать себя за сентябрьский позор 1939 года.

Название было романтичным, только совсем не романтичными были отношения членов этой группы с высшими гитлеровскими офицерами, а также с разведкой, работавшей на Ватикан. Основным идеологическим принципом этих людей было сотрудничество с гитлеровской Германией в целях разгрома Советского Союза.

Задачи они ставили перед собой большие. Ведь геноцид поляков во время оккупации продолжался, и было ясно, что он будет только расти, особенно пострадает интеллигенция. Члены этой группы считали — в том числе и маршал, — что остановить этот процесс можно, только заключив какое-то соглашение с немцами. В этом желании великолепно проявились вся историческая польская политическая близорукость и детская наивность высших деятелей санации. Можно подумать, что они не знали, что программная цель Гитлера — биологическое уничтожение поляков и всего славянства.

Поэтому Рыдз планировал, что надо заключить с немцами двусторонний союз. По принципу, как говорят в Польше: "Чтобы баба не пропала, пусть полюбит что попало..."

А кто кроме него, высшего военного чиновника Речи Посполитой — таким он считал себя до сих пор, — мог бы заставить польский народ изменить своё отношение к оккупанту?

Кроме того, у маршала появилась идея связаться с Восточной армией, как он называл формирующиеся в СССР польские вооружённые силы под командованием Андерса, чтобы подчинить их себе. Андерса он знал ещё с 1937 года, верил в его лояльность. А судьба СССР, с его точки зрения, была уже predetermined.

Предложение и способ его осуществления, как вспоминал потом майор Бонкевич, содержались на этой плёнке. Всё это время генерал интересовался не столько привезёнными инструкциями, сколько беспокоился по поводу того, знают ли советские органы об их содержании. Ведь курьер находился у них в руках около недели, и плёнка с успехом могла быть прочитана в НКВД. Что тогда? Тогда он пропал бы. Как-то поручик Шатковский в общем разговоре и как бы между прочим сказал, что видел в Варшаве бывшего премьера Леона Козловского. Это известие начали связывать с недавним выездом Козловского из Бузулука в Варшаву и в Берлин.

Опять заговорили о Козловском потому, что курьер из Польши рассказывал, что встречался с ним в Варшаве. Люди, посвящённые в это дело, стали проявлять беспокойство. Андерс узнал об этом. Стали известны подробности перехода Шатковского через линию фронта, который был согласован с немцами.

В инструкции, привезенной Шатковским в Бузулук, между прочим было сказано, что организация "Мушкетёров" считает Советский Союз врагом №1

и поэтому предлагает Андерсу сотрудничество чисто военного характера: диверсии, шпионаж и т. п., вплоть до перехода всей армии на немецкую сторону...

Безусловно, роль обезьяны, таскающей для варшавской кошки каштаны из огня, Андерса совершенно не устраивала. Он хотел командовать и в политике.

В сегодняшней Польше уже совершенно забыли, хотя те, кому надо, прекрасно помнят, но упорно молчат о том, что готовили немцы для её народа. Об этом, как я убедился, сегодня польская молодёжь, школьники, да и люди в возрасте, даже интеллигентных профессий, просто не знают.

Генеральный план "Ост", разработанный отделом планирования вермахта под руководством профессора К. Майера, предусматривал: "К выселению на шестом этапе (читай – уничтожению) запланировано 95% поляков, 85% литовцев, 70% латышей, 50% эстонцев, французов и чехов. Все они в силу генетической неполноценности "германизации не подлежали".

В Ингерманландии (то есть в Прибалтике) население городов планировалось "снизить" с 3 миллионов до 200 тысяч. Польша, Белоруссия, Прибалтика, Украина подлежали полной последовательной германизации".

Андерс страшно перепугался, в особенности того, что в ней оказалась замешана его жена. Опасаясь серьёзной угрозы для себя, он решил ликвидировать курьера.

Андерс приказал немедленно арестовать Шатковского и, чтобы пресечь все могущие возникнуть слухи, потребовал суда над ним и вынесения ему смертного приговора.

Шатковский был личностью довольно известной, несмотря на свой небольшой воинский чин, и пользовался авторитетом, его арест надо было произвести без шума, чтобы никто об этом не узнал. Лучше всего было создать впечатление, что он куда-то уехал. Стали распространяться слухи, что Шатковский едет в Куйбышев к послу Коту. Он сам просил об этом, и ему сообщили, что он командирован в посольство в Куйбышев. В день условного отъезда Шатковского в Куйбышев он был приглашён Андерсом для разговора. На прощание Андерс, сердечно пожимая руку поручика, пожелал ему счастливого пути и быстреешего возвращения!..

Шатковский вышел от генерала в приподнятом настроении. В конце беседы генерал сказал, что у штаба ожидает автомобиль с офицером, который отвезёт его на вокзал.

Ещё до приглашения Шатковского Андерс всё обсудил с майором Бонкевичем и поручиком Яворским, офицером второго отдела. Было условлено, когда Шатковский после разговора с генералом выйдет из штаба, Яворский пригласит его в автомобиль и вместо вокзала отвезёт прямо тюрьму и там объявит, что он арестован и в ближайшее время предстанет пред судом. Так всё и произошло.

Судебный приговор Андерс выслал телеграфно на утверждение Сикорскому. Через несколько дней от Сикорского пришёл ответ, что приговор он не утверждает и приказывает вновь пересмотреть дело в суде и все материалы выслать в Лондон. Упоённый собственным величием Андерс не ожидал такого. Вопреки приказу Сикорского он всё-таки решил расстрелять Шатковского. Он предложил скрыть получение телеграммы, предлагавшей приостановить исполнение приговора. Адьютанту генерала ротмистру Климовскому, который уже давно и с неодобрением следил за деятельностью Андерса, показалось странным, что трое товарищей Шатковского спокойно проходили службу в частях, а судили лишь его одного и приговорили к расстрелу.

Климовский рассказал майору Кипиани, исполнявшему обязанности начальника юридической службы, и некоторым заинтересованным в этом деле офицерам, о содержании телеграммы Сикорского. Предупредил, что в случае приведения приговора в исполнение они будут лично отвечать перед Сикорским.

Дело получило огласку. Исполнять приговор уже было нельзя. Андерс был взбешён, но нового рассмотрения не назначил. Дело отложили на неопределённый срок, а Шатковского продолжили держать в тюрьме. Это дело ещё раз потом разбиралось на Ближнем Востоке. В результате усиленных личных настояний Андерса Шатковский получил десять лет тюремного заключения, но после трёхлетнего пребывания в тюрьме его освободили.

15. Бежать!

В конце сентября Андерс совместно с Окулицким и Богушем в глубокой тайне составили план вывода польской армии через иранскую границу. В крайнем случае, можно было прорваться в Афганистан и потом в Индию.

Первым этапом этого плана было переведение всей польской армии на юг, как можно ближе к границам этих стран. Предвидя трудности в осуществлении этих намерений, предусмотрительный Андерс хотел поставить всех перед совершившимся фактом. Он выслал на узловые станции специальных уполномоченных, которые направляли гражданских лиц и призванных в армию не в существующие места дислокации частей, а на юг Советского Союза, в район Ташкента, где Андерс проектировал продолжать формирование армии. Но внешне всё выглядело прилично.

Началась подлинная трагедия поляков. Люди начали перемещаться туда и обратно в обе стороны. Сначала, с разных концов страны, они ехали за несколько тысяч километров в Бузулук, Тоцкое и Татищево. Не доезжая этих станций, они встречали офицеров, которые отправляли их на юг. Снова несколько тысяч километров езды в неизвестные места, где их никто не ждал. Измученные до предела люди не находили никакого пристанища и обещанных воинских частей. Ни денег, ни вещей ни у кого уже не было.

Возникла неопишуемая неразбериха, люди проклинали всех, кричали, что их обманули. Многие гибли во время этих скитаний. Оставшиеся на юге оказались в очень тяжёлом положении. Ведь их никто там не ждал. Ни квартир, ни продуктов не было. Всё было заполнено эвакуированными из центральной части страны. Начались болезни. Умело поляков натравливали на советскую власть, считая, что она виновата в том, что они оказались в таком положении.

Следуя своему замыслу, в ноябре 1941 года Андерс самовольно, без согласования с какими бы то ни было властями — польскими в посольстве или же советскими — направляет два больших эшелона, более чем по две тысячи человек в каждом, к рекам Аму-Дарье и Сыр-Дарье. Просто в этом направлении, без конкретного конечного пункта назначения.

Многие из поляков вскоре погибли от тифа, дизентерии или малярии. Там полностью отсутствовали жильё, питание и медицинская помощь. Лишь незначительное количество попало впоследствии в польскую армию. Причиной их гибели были страшная халатность и неудачно выбранное место дислокации. Советские органы, хотя это и не было предусмотрено каким-то планом и с ними не было согласовано, пытались оказать польскому населению помощь. С этой целью стали привлекать поляков к работам там, куда они прибывали: на хлопковых плантациях Узбекистана, на ирригационных работах и в строительстве. В округах Нукус, Бухара, Самарканд и Фергана поселилось, таким образом, около ста тысяч поляков.

Посол Кот, следуя планам Андерса о перебазировании польской армии на юг, поддерживал эти мероприятия, старался подготовить к ним Сикорского и получить его согласие и поддержку. Уже в конце октября между Андерсом и Котом было достигнуто полное согласие как в отношении направления войск на юг, так и в убеждении, что англичане могли бы их там вооружить и кормить, а также относительно предполагаемого вывода войск в большом количестве через границу в Иран.

Не удивительно, что отношения с Советским Союзом стали охлаждаться. Андерс всё решительнее преследует тех офицеров, которые, по его мнению, относятся к СССР слишком доброжелательно.

Обстановка становилась всё более тяжёлой. Доходило даже до определённой напряжённости в отношениях между представителями советской власти и польским военным командованием. Поэтому трудно говорить о каком-либо доверии к полякам со стороны советских властей.

16. Сталин принимает поляков

В конце ноября, за несколько дней до прибытия в СССР Сикорского, посла Кота принял в Кремле Сталин. На этой беседе, кроме польского посла, присутствовал первый секретарь посольства Арлет. Встреча была чисто рабочей, но это была первая встреча посла Кота со Сталиным. Естественно, с польской стороны всё началось с дифирамбов. Посол Кот заявил сразу, что

он считает за честь быть представленным Сталину, с именем которого связывается исторический момент восстановления отношений между Польшей и Советским Союзом.

Спокойно выслушав эту тираду, Сталин ответил, подчеркнув особо, что советские люди считают, что между советским и польским народом должны существовать самые лучшие отношения. Этим советский лидер сразу же задал определённый тон предстоящей беседе. И особо добавил, что уверен: всё, зависящее в этом деле от советских людей, будет сделано.

Заверив посла в готовности оказания всевозможной помощи, Сталин обратился к нему с просьбой рассказать, чем он недоволен, чем недовольны поляки в России и в чём они нуждаются.

В ходе беседы обсуждалась необходимость хорошего взаимного сотрудничества, но затрагивались и щепетильные вопросы, которые ещё недавно вызывали сильную болезненную реакцию. Сталин в связи с этим сказал:

“Во имя исторической правды хотел бы разъяснить некоторые вещи. Начиная с XVI века не только поляки страдали от русских, но и русские от поляков. Ведь с того времени вы два раза занимали Москву. Мы должны покончить с прошлым. Я не сомневаюсь в том, что со стороны тех или иных органов имеют место случаи неподобающего отношения к полякам. Однако такая атмосфера будет ликвидирована. . . Имеются все условия к тому, чтобы покончить с историей взаимной враждебности и пойти совместным фронтом против общего врага — гитлеровской Германии. . .”

Сталин сказал, что считает, что можно открыть новую страницу истории, и отношения должны опираться на дружбу.

Продолжая обсуждать вопросы польской армии, Сталин изъявил готовность вооружить две польские дивизии, из которых одна уже была вооружена.

Он не возражал против формирования на территории СССР пяти, шести, семи польских дивизий, лишь бы на это хватило людей и материалов, но при этом добавлял, что Советский Союз ведёт войну, сражается на огромном фронте, и ему может не хватать материалов на вооружение польской армии, поэтому поляки должны сами приложить старания, чтобы экипировать и вооружить свою армию.

Продолжая разговор относительно польской армии, Сталин спросил, когда и где она хочет выступить против Германии?

Посол Кот ответил: “Я человек невоенный. Это область генерала Сикорского. Но могу сказать, что мы, поляки, готовим армию не для парадов. . . Мы хотим, чтобы наши войска сражались здесь, на востоке, чтобы наш договор был скреплён братством по оружию. . .”

Польский посол откровенно врал. Он прекрасно знал о страстном желании Андерса удрать из СССР и только ждал момента, чтобы в максимально ловкой форме преподнести эту идею Сталину.

Во время этой принципиальной беседы затрагивались и многие другие важные вопросы. Говорили и о займе, об общественной опеке и даже об издании посольством польской газеты и польской радиостанции.

Но Кот ждал момента, чтобы озвучить ту главную идею, с которой он и пришёл в Кремль. И вот этот момент наступил. Было определено, что польская армия будет увеличена до такой численности, на какую хватит материалов, обмундирования, питания, вооружений, и что она будет. . . передислоцирована на юг.

Но беседы со Сталиным полякам показалось мало. Андерс и Кот решили нажимать также на англичан и американцев, чтобы они оказали влияние на советские органы по вопросу вывода всей польской армии из пределов Советского Союза. Одновременно в официальных переговорах с представителями Советского Союза они постоянно уверяли их в своём желании сражаться на Восточном фронте.

Позиция Сикорского на тот момент состояла в том, что польская армия в СССР должна участвовать в боях на советско-германском фронте. А именно это и не устраивало начальника 2-го (разведывательного) отдела штаба армии полковника Бонкевича, интенданта армии Гендык-Чайковского и ряд других старших офицеров.

По полученным советскими чекистами сведениям, в польской армии образовалась группа офицеров, настроенных на вывод армии в Иран. Знаменем и выразителем этой идеи стал генерал М. Токажевский-Карашевич. Он в сен-

тябре 1939 года создал на территории, занятой войсками Красной армии, “Службу победы Польши”. Она позднее вошла в состав СВБ. Под псевдонимом “Столярский” генерал возглавил во Львове округ № 3.

В плену Токажевский-Карашевич постоянно занимался антисоветской агитацией, а с командующим армией Андерсом находился во враждебных отношениях, считая, что тот “продался большевикам”. Карашевичу удалось привлечь на свою сторону ранее лояльного к Красной армии генерала М. Боруту-Спеховича, командира 5-й дивизии. Ему же удалось добиться снятия с поста начальника штаба соединения полковника З. Берлинга. Это произошло в начале февраля 1942 года.

Сторонники генерала Токажевского развернули кампанию травли офицеров, высказывающих намерение как можно быстрее включиться в борьбу на советско-германском фронте. Информация о таком стремлении группы офицеров дошла до Лондона, и прибывший в СССР премьер-министр Сикорский предложил Сталину осуществить этот план.

Сикорский позднее прямо приказал Андерсу форсировать подготовку к выступлению на фронт. Уполномоченному Генштаба Г. Жукову было приказано провести с командармом целенаправленную беседу и рекомендовать направить на фронт хотя бы наиболее подготовленную 5-ю пехотную дивизию (командир Борута-Спехович). Но это совершенно не соответствовало намерениям Андерса.

Когда одна из польских дивизий завершила своё полное формирование, Андерс на официальное обращение советской стороны направить её на фронт отказался, заявив, что поляки могут выступить на фронт только тогда, когда полностью будет готова вся армия.

В начале марта 1942 года этот вопрос был снова поставлен перед ним, и снова был получен отказ с аналогичной формулировкой. Более того, польская сторона обратилась с ходатайством перенести дислокацию армии в одну из среднеазиатских республик, мотивируя это необходимостью облегчить получение обещанного английской и американской сторонами вооружения и обмундирования.

Одновременно следовало обсудить схему эвакуации в Иран 25 тысяч польских военнослужащих, не зачисленных в штаты сформированных частей, а также 2 тысяч авиационных специалистов – в Англию.

Г. Жуков вылетел в г. Бузулук и побеседовал с Андерсом. Оказалось, что командарм тоже поменял своё мнение и просил передать руководству Генштаба, что считает нецелесообразным посылать на фронт отдельные польские соединения.

К сожалению, чекисты эти тайные планы польского руководства вовремя не вскрыли. Ещё в конце ноября 1941 года Берия докладывал лично Сталину, что на основе “данных оперативной техники, личных наблюдений и агентурных донесений” установлено, что Андерс всего лишь высказывал недовольство отказом СССР создать большую польскую армию на его территории, но сам, его начальник штаба, другие высшие офицеры лояльно относятся к СССР и готовы к сотрудничеству.

Сотрудники НКВД явно переоценили свои возможности и не разгадали ловку поляков.

Отношения с армией Андерса вступили в новую фазу.

(Окончание следует)